

ЖЮЛИ ДЕ ЛЕСПИНАССЪ. ¹⁾

Маркиза де Сегюръ.

Marquis de Ségur. Julie de Lespinasse. Paris. Calman Lévy.

XI.

Праздникъ въ Moulin-Joli.—Графъ Глберъ.—Впечатлѣніе, произведенное Гиберомъ на Жюли.—Поѣздка Гибера въ Германію.—Возрастающая страсть г-жи де Леспинассъ.—Жестокая борьба въ сердцѣ Жюли.

Въ 1772 г. однимъ изъ самыхъ модныхъ домовъ среди избраннаго парижскаго общества былъ домъ Вателэ, финансиста, генеральнаго откупщика, писателя и гравера, члена двухъ академій. Этотъ разносторонній человѣкъ, отличавшійся широкой интеллигентностью и тонкимъ вкусомъ, устроилъ себѣ на окраинѣ столицы, около лѣваго берега Сены, нѣчто вродѣ деревенской усадьбы, которая своей новизной вызывала общее любопытство и восхищеніе. Какъ разъ въ эту эпоху у цѣлаго поколѣнія зародилось стремленіе къ „возвращенію къ природѣ“. Изъ литературы эта мода распространилась на всѣ роды искусства и особенно на украшеніе садовъ. Старымъ французскимъ паркамъ съ ихъ прямыми аллеями, четырехугольными цвѣтниками и подстриженными деревьями, начали придавать менѣе геометрическіе рисунки и болѣе капризныя формы. Банкиръ Бутенъ подалъ этому примѣръ; онъ даже довель это стремленіе до смѣшнаго, устроивъ въ своемъ имѣніи множество лѣсковъ, лужаекъ, скалъ, каскадовъ, холмовъ съ круглыми вершинами, „похожихъ“, по словамъ Вальполя, „на травяные пуддинги“, ручейковъ, текущихъ вокругъ сада. „Какъ это мило,—продолжаетъ вѣчный насмѣшникъ,—когда имѣешь возможность пожать другъ другу руку черезъ рѣку или съ вершинъ двухъ горъ. Только такая любезная нація могла изобресть что-нибудь подобное“.

¹⁾ Продолженіе. См. *Русская Мысль* 1914 г., кн. VII, VIII—IX и X.

Вателэ набѣжалъ этихъ преувеличеній; его владѣніе Муленъ-Жоли не имѣло вида „ассортимента образцовъ“. Оно состояло изъ двухъ островковъ, соединенныхъ между собой пловучимъ мостомъ, вдоль котораго стояли кадки съ цвѣтами; все было покрыто плодовыми деревьями, кустарникомъ и деревьями съ высокими стволами, итальянскими тополями, молодыми вязами и плакучими ивами, падающія вѣтви которыхъ образовывали какъ бы естественные своды, „гдѣ можно было чудесно отдыхать и мечтать“. Вперемежку съ рѣдкими растеніями полевые цвѣты и дикія травы разрастались совершенно свободно; широкія аллеи подстриженныхъ деревьевъ открывали въ различныхъ направленіяхъ свѣтлыя просѣки, каждая съ какимъ-нибудь красивымъ видомъ—на замокъ, деревню, церковную колокольню или монастырь.

Д'Аламберъ былъ завсегдатаемъ въ этомъ гостепріимномъ домѣ, такъ какъ его съ молодыхъ лѣтъ связывала дружба съ Вателэ: „Въ теченіе тридцати лѣтъ,—пишетъ Вателэ о Пачоди,—мы почти каждый день или видѣлись, или давали другъ другу какіе-либо знаки дружбы“. Нечего говорить, что то же относилось и къ г-жѣ де Леспинассъ и что въ Муленъ-Жоли не проходило ни одного обѣда, ужина или какого-либо другого приема, куда бы ее не приглашали въ числѣ первыхъ и особенно чествуемыхъ гостей. Въ одинъ прекрасный лѣтній день 21 іюля 1772 г. она присутствовала въ числѣ прочихъ гостей на утреннемъ праздникѣ. Мора, только что окончательно поправившійся послѣ ужаснаго припадка, былъ наконецъ внѣ опасности, и его подруга, освободившись отъ продолжительныхъ тревогъ, опять возрожда-лась къ жизни и испытывала потребность на моментъ сбросить съ себя воспоминаніе объ этихъ ужасныхъ часахъ. Среди многочисленныхъ приглашенныхъ, принявшихъ участіе въ этомъ праздникѣ, былъ человѣкъ, начинавшій въ то время привлекать общественное вниманіе, Жакъ-Антуанъ-Ипполитъ графъ де Гиберъ, полковникъ королевской арміи, авторъ пользовавшейся успѣхомъ книги, о которой я буду говорить ниже. Можетъ быть,—такъ, кажется, можно заключить изъ одной фразы *Похвалы Элизы*—Гиберъ и г-жа де Леспинассъ уже встрѣчались въ нѣкоторыхъ парижскихъ салонахъ; но они не имѣли случая познакомиться близко. Наоборотъ, на этомъ праздникѣ обычная свобода деревенской жизни, возможность уединиться и гулять наединѣ другъ съ другомъ—все располагало къ бесѣдѣ, и они воспользовались этой возможностью.

Въ этой первой встрѣчѣ несомнѣнно не было ничего романи-

ческаго, не было даже, по крайней мѣрѣ со стороны Жюли, ни желанія, ни предчувствія дружескихъ отношеній. „Я была далека отъ потребности завязать новую связь,—воскликнетъ она въ слѣдующемъ году,—моя жизнь и душа были до такой степени наполнены, что я была очень далека отъ поисковъ новаго жизненнаго интереса“. Однако Гиберъ произвелъ на нее очень глубокое впечатлѣнiе, и черезъ три дня послѣ праздника въ Муленъ-Жюли она пишетъ Кондорсэ: „Я познакомилась съ г. Гиберомъ; онъ мнѣ очень нравится; во всемъ, что онъ говоритъ, видна душа; въ немъ есть сила и возвышенность чувствъ; онъ не походитъ ни на кого другого“. Она сейчасъ же достаетъ его книгу, еще мало распространенную; это чтенiе внушаетъ ей такой восторгъ, что она пишетъ автору, чтобы его поздравить; чтобы поблагодарить ее, онъ дѣлаетъ ей визитъ, и второй разговоръ лишь усиливаетъ впечатлѣнiе перваго. „Г. Гиберъ былъ у меня,—пишетъ она,—онъ продолжаетъ мнѣ безконечно нравится“. Жюли имѣла такимъ образомъ основанiе отнести позднѣе событiе, которое должно было совершенно перевернуть все ея существо и внести „несчастiе въ ея жизнь“, ко дню праздника въ Муленъ-Жюли. Однако она въ правѣ отрицать всякую предумышленность и обвинять одну лишь судьбу: „Развѣ мы свободны? Развѣ все то, что *есть*, могло бы быть иначе?“

Человѣку, вошедшему такимъ образомъ въ жизнь нашей героини, было тогда едва двадцать девять лѣтъ отъ роду ¹⁾, но онъ уже имѣлъ позади себя блестящее прошлое: двѣнадцать лѣтъ военной службы, много громкихъ подвиговъ во время Семилѣтней войны и въ корсиканскомъ походѣ, наконецъ книгу „Опытъ тактики“, произведшую сенсацію во всей Европѣ ²⁾. Работа, давшая Гиберу такую всеобщую извѣстность, раздѣлялась на двѣ части, изъ коихъ вторая была дидактическимъ трактатомъ о системахъ тактики, принятыхъ въ различныхъ армiяхъ, съ указанiемъ реформъ, желательныхъ въ области тактики и стратегiи. Достаточно сказать, что этотъ чисто техническiй трактатъ перевернулъ всѣ прежнiе принципы и установилъ взгляды, принятые въ наше время, и что Наполеонъ въ своихъ первыхъ походахъ всегда имѣлъ при себѣ эту книгу, испещренную его собственноручными замѣтками. Но что вызывало еще болѣе общiй восторгъ, такъ это „Предварительное разсужденiе“, составлявшее

¹⁾ Графъ Гиберъ родился въ Монтбанѣ 11 ноября 1743 г. Для лучшаго ознакомленiя съ этой личностью см. de Ségur, Hommes d'autrefois, стр. 197 сл.

²⁾ Отпечатанная тайно въ Нидерландахъ въ 1770 г., она была опубликована во Францiи подъ именемъ автора лишь въ началѣ 1773 г.

первую часть работы; это былъ отрывокъ, полный огненнаго краснорѣчія, гдѣ молодой писатель смѣло говорилъ правду всѣмъ монархіямъ и особенно своей родинѣ, протестовалъ съ бурной горячностью противъ абсолютной власти, опредѣлялъ основанія, на которыхъ, по его мнѣнію, надо пересоздать старое французское королевство, и за двадцать лѣтъ до революціи формулировалъ доктрины, бывшія евангеліемъ реформаторовъ учредительнаго собранія.

Нѣтъ словъ описать впечатлѣніе, произведенное на общественное мнѣніе этимъ еще непривычнымъ языкомъ, этими экзальтированными страницами, гдѣ благородныя мечты соединялись съ правильными мыслями и гдѣ повсюду билось чувство истиннаго патриотизма. Пока книга была запрещена, ее перебивали другъ у друга; когда она вышла открыто, изданія расходились съ поразительной быстротой. Всѣ находили въ ней, что хвалить: военные гордились успѣхомъ человѣка изъ своей среды; энциклопедисты ликовали по поводу блестящаго союзника, и Вольтеръ называлъ „Тактику“ „геніальнымъ трудомъ“; со своей стороны „дворъ и свѣтъ радовались“, какъ говоритъ Лагарпъ, „возможности противопоставить полковника всей литературѣ“. Одинъ изъ остряковъ этого времени возразилъ какому-то неосторожному человѣку, вздумавшему критиковать книгу: „въ поискахъ пятенъ на солнцѣ можно потерять зрѣніе“. Женщины были самыми горячими поклонницами Гибера; можно было найти „Опытъ тактики“ на всѣхъ столикахъ и во всѣхъ будуарахъ; а въ одномъ знаменитомъ салонѣ цѣлый вечеръ спорили о слѣдующемъ интересномъ вопросѣ: „что лучше всего: быть женой, сестрой или любовницей г. Гибера?“ Легко можно себя представить, что столь живой восторгъ быстро перешелъ съ творенія на творца. Мы уже видѣли, какъ въ трепещущей, отзывчивой теплой атмосферѣ парижскаго общества внезапно рождалось много великихъ людей, героев на часъ; но слава ни одного изъ нихъ даже издали не приближалась къ удивительной славѣ, окружившей сразу имя Гибера и очень долго ему не измѣнявшей. „По всѣмъ путямъ онъ возносится къ славѣ“, предсказывалъ Фридрихъ Великій; ему вторитъ фернейскій патриархъ: „Я не знаю, будетъ ли онъ Корнелемъ или Тюренномъ, но мнѣ кажется, что онъ созданъ для великаго, въ какой бы области онъ ни работалъ“. Жюли де Леспинасъ лишь присоединяется къ общему мнѣнію, когда говоритъ ему въ началѣ ихъ дружбы: „Бываютъ имена, созданныя для исторіи; ваше будетъ возбуждать восхищеніе“. Никто, говоря о немъ, не рѣшается употреблять другого

эпитета, какъ *genii*; никто не сомнѣвается въ томъ, что въ будущемъ онъ сдѣлается гордостью своей родины, орудіемъ ея подъема. „Онъ стоитъ,—скажетъ Жюли,—какъ бы во главѣ общества умныхъ людей, для которыхъ онъ является какъ бы оракуломъ. Его послѣдователи и друзья такого высокаго мнѣнія объ его достоинствахъ и добродѣтеляхъ, что нѣкоторые изъ нихъ поздравляютъ себя съ тѣмъ, что родились въ одно время съ нимъ; подобно тому, какъ нѣкогда одинъ изъ философовъ поздравлялъ себя съ тѣмъ, что родился во времена Сократа“. Быть можетъ, самъ Бонапартъ, по своему возвращеніи изъ Египта, не былъ въ парижскихъ салонахъ предметомъ такихъ надеждъ, какъ графъ Гиберъ въ часъ своего знакомства съ Жюли де Леспинассъ.

Если разсматривать этотъ энтузіазмъ на разстояніи и въ исторической перспективѣ, то онъ покажется намъ непонятнымъ. Это оттого, что его происхожденіе и главная причина заключались во внѣшнихъ качествахъ личности, исчезающихъ вмѣстѣ съ ней. Я не подразумѣваю подъ этимъ физическія достоинства; даже сама Жюли спокойна въ своихъ отзывкахъ на этотъ счетъ: „Его лицо,—говоритъ она,—красиво, но не породисто; его черты правильны, но не особенно подвижны; въ его лицѣ есть что-то мягкое и мрачное; его мапера держаться небрежна; его смѣхъ очень естественный и очень молодой“. Портреты Гибера, сохранившіеся до нашихъ дней, даютъ впечатлѣніе скорѣе силы и энергіи, чѣмъ мягкости и симпатичности: широкій лобъ, окаймленный густыми и вьющимися волосами, глубоко сидящіе глаза, нѣсколько тяжелая челюсть, широкій ротъ съ толстыми губами; голова, немного откинута назадъ, поддерживалась могучей шеей. Онъ не былъ высокаго роста, но фигура его была „благородной и легкой“ и имѣла что-то „ловкое и свободное во всѣхъ манерахъ“. Короче сказать, это былъ человѣкъ пріятной наружности и манеры держаться, однако безъ чего-либо поражающаго съ перваго же взгляда, особенно безъ чего-либо, что напоминало бы героя романа.

Но тайна его власти заключалась прежде всего въ дарѣ краснорѣчія, граничившаго почти съ чудомъ. Какъ только онъ открывалъ ротъ, онъ очаровывалъ всѣхъ. Его звучный, мягкій и захватывающій голосъ трогалъ сердца слушателей еще раньше, чѣмъ ихъ душа подвергалась впечатлѣнію отъ его образныхъ словъ, лившихся, какъ звенящій потокъ, обильный новыми наблюденіями, поразительными формулами, поэтическими сравненіями, полный огня и ясной мысли. Казалось, что какой-то таин-

ственный огонь исходилъ изъ глубины его существа и освѣщаль всѣ изгибы его мысли.

Если присоединить къ этому ораторскому таланту несравненную память, о которой разсказывали невѣроятныя вещи, неутомимую дѣятельность и такую работоспособность, которая позволяла ему отдаваться самымъ суровымъ и разнообразнымъ занятіямъ, не мѣшая ему въ то же время увлекаться свѣтскими удовольствіями, то можно понять тотъ восторженный культъ, которымъ современники окружили Гибера, и особенно впечатлѣніе, какое подобный человѣкъ долженъ былъ производить на женское воображеніе. И въ самомъ дѣлѣ, не будучи донжуаномъ по призванію, онъ внушалъ столько страсти, какъ самые знаменитые соблазнитель, и число его побѣдъ равнялось лишь тому пренебреженію, съ какимъ онъ къ нимъ относился. „Небрежность, я могу даже сказать суровость, съ какими онъ обращается съ женщинами,—говоритъ Жюли де Леспинасъ съ упрекомъ,—происходитъ отъ того, что онъ не придаетъ имъ большого значенія. Онъ видитъ въ нихъ лишь кокетокъ, пустыя, слабыя, лживыя и болтливыя существа. Тѣхъ, о которыхъ онъ судитъ болѣе милоствиво, онъ считаетъ романтичными; и если ему приходится признать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошія качества, онъ считаетъ, что не стоитъ ихъ за это больше уважать, такъ какъ въ этомъ сказывается скорѣе отсутствіе лишнихъ недостатковъ, чѣмъ наличность лишнихъ достоинствъ“. „Онъ беретъ ихъ и покидаетъ ихъ ради развлеченія или разнообразія,—говоритъ она дальше,—и онъ недостаточно уважаетъ ихъ чувства, чтобы считать себя обязаннымъ считаться съ ихъ чувствительностью“. Такая оцѣнка ничуть не преувеличена. Однако, со свойственной женщинамъ нелогичностью, чѣмъ меньше онъ цѣнилъ своихъ поклонницъ, тѣмъ сильнѣй онъ къ нему привязывались. Онъ принималъ, какъ должную дань, успѣхи, сыпавшіеся на него со всѣхъ сторонъ, переходя по капризу отъ одной къ другой и не отдавая своего сердца никому изъ нихъ; честолюбіе и забота о славѣ слишкомъ занимали его въ эту раннюю и блестящую эпоху его жизни, чтобы онъ согласился терять время на сантиментальныя мечтанія; какъ говорить, не безъ насмѣшки, г-жа де Стааль, „онъ былъ для этого слишкомъ занятъ своими мыслями, а пожалуй и самимъ собой“. Впрочемъ, эти мимолетныя успѣхи и случайныя любовныя интриги не препятствовали серьезной и открытой связи. „Можно сказать,—замѣчаетъ Жюли вскользь въ своей первой характеристикѣ графа Гибера,—что г. де Гиберъ еще менѣе любезенъ, чѣмъ достоинъ любви, по крайней мѣрѣ со стороны дру-

зей и любовницы, такъ какъ невозможно думать, чтобъ у него ея не было“. Несомнѣнно, что она у него была, и, какъ мы вскорѣ увидимъ, онъ самъ признался Жюли въ этомъ и говорилъ съ ней объ этомъ совсѣмъ открыто; эта цѣпь, хотя и не тяжелая, имѣла силу и крѣпость долгой привычки. Женщина, о которой идетъ рѣчь, Жанна Тиру де Монсожъ, имѣла въ это время тридцать съ лишнимъ лѣтъ; она питала къ Гиберу спокойную, но глубокою и прочною привязанность. Насколько можно о ней судить, это была вдумчивая, разсудительная и разумная женщина, немножко *terre à terre*, способная на подлинную преданность и, какъ пишетъ Гиберъ, созданная скорѣе для „очень мягкой и милой дружбы“, чѣмъ для большихъ чувствъ и бурныхъ порывовъ. Это благоразуміе и умѣренность часто навлекали на нее презрѣніе г-жи де Леспинассъ: „Я думаю, что онъ сдѣлалъ большую ошибку; онъ встрѣтилъ человѣка, который остановилъ всѣ его стремленія. Во всякомъ случаѣ онъ встрѣтилъ не г-жу де ля Мусетьерь. А онъ былъ бы ея достоинъ“. ¹⁾ И по вопіющей несправедливости не разъ г-жа де Монсожъ услышитъ этотъ же упрекъ изъ устъ своего любовника, къ которому она сохраняетъ достаточно сильную привязанность, чтобы выносить безъ жалобъ и видимой ревности его холодность, капризы и измѣны.

Между Жюли де Леспинассъ и графомъ Гиберомъ вскорѣ послѣ отъѣзда Мора установились дружескія отношенія. Ихъ письма знакомятъ насъ съ ихъ душевнымъ настроеніемъ въ то время, когда начиналась ихъ опасная близость. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ связи, которая, можетъ быть, недостаточно льстила его гордости, Гиберъ дошелъ до того состоянія, когда мужчину удерживаетъ лишь привычка и онъ ждетъ втайнѣ случая бѣжать; во всякомъ случаѣ онъ опредѣленно убѣждалъ въ этомъ Жюли. „Такъ значить вы забыли,—напишетъ она ему впослѣдствіи,—то, что вы мнѣ двадцать разъ говорили въ прошломъ году? Я видѣла васъ готовымъ принять безповоротное рѣшеніе порвать съ ней и больше ея не видѣть. Я помню, что я боролась противъ такого рѣшенія, и вы очень хорошо знаете, что я не хотѣла тогда быть счастливою черезъ васъ“. Въ позднѣйшемъ письмѣ она ему опять повторяетъ: „Вы меня увѣряли, что вы болѣе не влюблены въ эту женщину, что ваша душа настолько же свободна, насколько лишена всякаго чувства къ ней, что вашимъ живѣйшимъ желаніемъ была женитьба“. Однако, по присущей нашей душѣ по-

¹⁾ Г-жа де ля Мусетьерь прославилась въ то время любовной исторіей, окончившейся ея смертью и смертью ея любовника.

требности поднять и облагородить наши самыя вульгарныя переживанія, онъ приписывалъ свою сердечную усталость разочарованію, причиненному бѣдностью натуры этой женщины, которую онъ не могъ, несмотря на всѣ усилія, поднять до своего уровня: „Въ концѣ концовъ,—говорилъ онъ съ грустью,—я не имѣю основанія жаловаться. Это все, что чувствуетъ и можетъ чувствовать ея душа. Могу ли я требовать, чтобы она походила на васъ или на меня?“ Онъ говорилъ на эту тему съ той горячностью выраженій, которая сообщала столько силы всему, что исходило изъ его устъ, и Жюли, убѣжденная имъ, начинала отъ чистаго сердца жалѣть жертву роковой ошибки и оплакивать непонятаго человѣка: „Лишь несчастные достойны имѣть друзей; если бы ваша душа не страдала, никогда бы вы не проникли въ мою“.

Это воображаемое сходство ихъ одинаково больныхъ и скорбныхъ сердець, кажется, и было началомъ ихъ близости. Отсутствие маркиза де Мора и дурныя о немъ вѣсти лишили Жюли на этотъ разъ энергіи и почти всякой надежды. Умственные развлеченія и свѣтская суматоха не могли уже, какъ нѣкогда, заглушить и успокоить ея тоску.

Она думала найти нѣкоторое утѣшеніе въ своей печали, въ симпатіи сочувствующей души, такой же страстной и такъ же израненной, какъ и ея собственная; среди разговоровъ о Мора она незамѣтно поддалась очарованію утѣшителя. „Быть можетъ, вы одинъ,—пишетъ она,—имѣли силу прекращать на нѣкоторыя мгновенія мою скорбь, и это мгновенное благо привязало меня къ вамъ навсегда... Моя душа,—прибавляетъ она,—не испытывала потребности въ любви. Она была полна нѣжнымъ глубокимъ чувствомъ, на которое мнѣ отвѣчали взаимностью; тѣмъ не менѣе я была проникнута скорбью, и именно это сблизило меня съ вами. Вы должны были мнѣ только поправиться, а вы тронули меня“. И она наивно раскрываетъ всю глубину своего сердца въ слѣдующихъ граціозныхъ словахъ: „Я такъ много страдала! Мое тѣло и душа были измучены продолжительностью горя. Именно тогда я встрѣтила васъ и именно тогда вы вернули къ жизни мою душу; вы дали ей наслажденіе; не знаю, что мнѣ было пріятнѣе: испытывать его или быть имъ обязанной вамъ“.

Въ этотъ первый періодъ никакое предчувствіе не предостерегало ея о близкой опасности; мысль объ отсутствующемъ, ея къ нему нѣжность ручаются ей за ея сердце, мѣшаютъ ей, по собственному выраженію, не довѣрять самой себѣ: „Чего было бояться, какъ можно было предвидѣть будущее, когда чувство,

несчастье и неоцѣненное благо быть любимой совершеннѣйшимъ созданиемъ гарантируютъ отъ опасности? Вотъ что оберегало мою душу, что защищало ее, когда вы внесли въ нее смятеніе отъ угрызеній совѣсти и огонь страсти“. Это то, что она повторитъ позже, какъ бы исповѣдуясь передъ самой собой: „Я не могла тогда отдать самой себѣ отчетъ въ томъ, что я думала. Я попеременно переходила отъ смятенія, причиняемаго возникновеніемъ страсти, къ неизбежной и сладкой иллюзіи, что встрѣтила въ немъ столько же нѣжности и чувства, сколько онъ самъ сумѣлъ мнѣ внушить“. Единственное, что ее тревожитъ, это то, что вновь родившаяся дружба не сможетъ остаться навсегда такой мирной и благодѣтельной, и что та излишняя нервность, которую она за собой знаетъ, сдѣлается позже для нихъ источникомъ смятенія и разногласія: „Я вамъ говорила, мы не создадимъ изъ всего этого дружбы Монтеня и де ла Боети. Эти люди были спокойны; они отдавались лишь своимъ мягкимъ и естественнымъ впечатлѣніямъ; а мы съ вами—два больныхъ человѣка. Насъ отличаетъ другъ отъ друга лишь то, что вы сильны и разумны, что вы ведете такой образъ жизни, который позволяетъ вамъ наслаждаться непрестанно самымъ лучшимъ здоровьемъ, въ то время какъ я охвачена смертельной болѣзью и всѣ средства облегченія обращаются для меня въ ядъ и сдѣлали мою болѣзнь лишь болѣе острой“.

Нельзя не остановиться на послѣднихъ строкахъ; въ нихъ слышна новая, быстро усиливающаяся нота; уже съ этого момента, несмотря на ея увлеченіе Гиберомъ, она по временамъ какъ бы улавливаетъ его настоящую натуру; она какъ бы предвидитъ разочарованія, какія ей причинитъ это „скорѣе горячее, чѣмъ чувствительное сердце“, дающее огонь страсти безъ ея тепла, слишкомъ занятое „славой“, чтобы всецѣло отдаться любви. Послушаемъ, что она говоритъ ему однажды съ грустной проницаніемъ: „Я не знаю почему, но во мнѣ есть нѣчто, заранѣе меня предупреждающее, что я смогу сказать о нашей дружбѣ то же, что сказалъ графъ д'Аржансонъ, видя въ первый разъ г-жу де Бервилль, свою племянницу: „А! она очень красива; надо полагать, что она намъ доставитъ немало огорченій!“ Еще яснѣе она высказывается въ другомъ мѣстѣ: „Или я очень ошибаюсь, или вы созданы для того, чтобы дать счастье пустой душѣ и вселить отчаяніе въ душу чувствительную... Я пожалѣю всякую живо чувствующую женщину, для которой вы станете первымъ лицомъ на свѣтѣ; ея жизнь исполнится страха и огорченія“.

Однако это пока только мигущія просвѣтлѣнія. Самое слабое

возраженіе съ его стороны, малѣйшій признакъ вниманія быстро возстанавливаютъ ея довѣріе и возрождаютъ прежнее обаяніе: „Если бы я была молода, красива и мила, я нашла бы ваше обращеніе со мной очень искуснымъ, но такъ какъ я не имѣю ни одного изъ этихъ качествъ, а отличаюсь противоположными, то нахожу въ вашемъ поведеніи доброту и честность, которыя навсегда завоевали вамъ права надъ моею душой. Она прониклась признательностью, уваженіемъ и всѣми чувствами, которыя вносятъ близость и довѣріе въ дружескую связь... Вы хотите, чтобы я мирно наслаждалась той дружбой, какую вы мнѣ предлагаете, и проявленія ея полны нѣжности и очарованія. Да, я ее принимаю, я дѣлаю изъ нея свое благо; она меня утѣшитъ и, если я когда-либо буду наслаждаться вашимъ обществомъ, она будетъ самымъ лучшимъ и желаннымъ моимъ удовольствіемъ“.

Вотъ какъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ Жюли попеременно переходитъ отъ надежды къ сомнѣнію, отъ радости къ печали, постоянно увлекаемая противоположными теченіями, угадывая издали опасность, но не находя въ своемъ сердцѣ силъ, чтобы бѣжать отъ нея. Чтобы разсѣять туманъ, обволакивающій ея волю, понадобилось новое испытаніе, временный перерывъ возникавшей интимности. Въ это время, когда любовь къ дальнимъ путешествіямъ была мало распространена во французскомъ обществѣ, Гиберъ съ самаго ранняго возраста удивлялъ современниковъ своей страстью къ большимъ передвиженіямъ; въ этомъ проявлялась пылкость его души, жадной до новыхъ впечатлѣній, а можетъ быть, какъ упрекала его Жюли, и потребность беспокойной и нетерпѣливой натуры. „Во всѣхъ отношеніяхъ,—говоритъ она ему,—движеніе вамъ нужнѣе самаго дѣйствія; это вамъ покажется игрою словъ, но подумайте объ этомъ, и вы увидите, что это справедливо“. Въ маѣ 1773 г. его вдругъ охватило желаніе посмотрѣть Пруссію, Австрію, берега Рейна, посѣтить поля сраженій Семилѣтней войны, изучить военную организацію Германіи. Жюли еще не имѣла никакого права бороться противъ такой фантазіи; она покорилась, удовлетворившись просьбой о частыхъ письмахъ. Но, получивъ уже обѣщаніе, она опасается, какъ бы въ этомъ не заключалось принужденія: „Смотрите, какъ я великодушна, я возвращаю вамъ ваше слово, если вы усмотрите въ немъ ошибку... Если такъ, признайтесь мнѣ въ этомъ, и я ручаюсь вамъ, что не буду этимъ оскорблена. Повѣрьте, что лишь тщеславіе дѣлаетъ несговорчивымъ, а его у меня нѣтъ; я только доброе созданіе, довольно глупое, довольно наивное, и я люблю больше удовольствіе тѣхъ, кто мнѣ дорогъ, чѣмъ то, что нужно

мнѣ и для меня... Дѣлайте, какъ хотите, и пишите мнѣ *редко*, часто или не пишите вовсе“.

Отъѣздъ былъ назначенъ на среду 19 мая. Однако на другой день послѣ этого Жюли случайно узнала, что Гибера видѣли еще въ Парижѣ: „Я собиралась сама узнать, не больны ли вы, и,—это вамъ покажется ужаснымъ,—мнѣ кажется, что я этого хотѣла. Однако, благодаря непослѣдовательности, которой я вамъ не объясню, мнѣ стало легче, когда я узнала, что вы уѣхали“¹⁾. Это смятеніе, эта неувѣренность, эта смѣна противоположныхъ чувствъ проявляется также въ первыхъ ея письмахъ послѣ разлуки: „Такъ какъ я не знаю, какое впечатлѣніе произведетъ на меня вашъ отъѣздъ,—говорила она до прощанія,—то я не знаю, буду ли я имѣть свободу и желаніе вамъ писать“. Это „желаніе“, какъ легко было предугадать, появилось еще раньше, чѣмъ Гиберъ переѣхалъ границу; но то длинное письмо, которое онъ получилъ въ Страсбургѣ, могло смутить даже человѣка, столь привыкшаго къ побѣдамъ. Когда читаешь нѣкоторыя страницы, кажется, что она старается взять себя въ руки, что въ одиночествѣ она опять находитъ недостававшее ей въ его присутствіи мужество: „Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу вашей дружбы... Она приводитъ меня въ отчаяніе, а я нуждаюсь въ отдыхѣ, хочу забыть васъ на нѣкоторое время“. Правда, черезъ мгновеніе она смягчаетъ суровость своей фразы: „Да, ваше отсутствіе вернуло мнѣ спокойствіе, но я чувствую себя въ то же время болѣе грустной. Я не знаю, сожалѣю ли я о вашемъ отсутствіи, но мнѣ васъ недостаетъ, какъ удовольствія“. И ее снѣдаетъ безпокойство, что развлеченія путешествія ослабятъ въ немъ память о ней: „Когда вы прочтете это письмо, Боже мой, какъ далеко вы будете отъ меня! Физически вы будете лишь за триста верстъ отъ меня, но подумайте, какой путь продѣлаетъ ваша мысль! Сколько новыхъ предметовъ! Сколько новыхъ мыслей! Мнѣ кажется, что я говорю тишь съ вашей тѣнью; все, что я знала о васъ, исчезло; съ трудомъ отыщете вы въ вашей памяти слѣды чувствъ, одушевлявшихъ васъ въ послѣдніе дни вашего пребыванія въ Парижѣ“. Такая перспектива такъ сильно ее разстраиваетъ, что она взызаетъ почти въ умоляющихъ выраженіяхъ къ той самой дружбѣ, которую только что, казалось, отталкивала: „Пусть вы будете моимъ другомъ или лучше бы мнѣ никогда не знать васъ! Вѣрите

1) Гиберъ покинулъ Парижъ въ четвергъ 20 мая въ пять съ половиной часовъ вечера: „Почему вы не уѣхали въ среду?—спрашиваетъ Жюли съ ревнивымъ безпокойствомъ.—Отсрочили ли вы вашъ отъѣздъ на двадцать четыре часа ради васъ самихъ или ради кого-нибудь другого?“

ли вы въ это? Будете ли вы моимъ другомъ? Подумайте объ этомъ лишь одинъ разъ; или это слишкомъ много?"

Только теперь у нея открываются глаза. Это волненіе, тоска, пустота, образовавшаяся вдругъ въ ея жизни, развѣ таковы обычныя проявленія чистой и спокойной привязанности? Развѣ она не испытывала уже разъ въ жизни подобныхъ же симптомовъ? Она долго и добросовѣстно анализируетъ себя и, трепеща отъ своего открытія, она обращается къ отсутствующему, чтобы онъ помогъ ей разгадать ея душу и помогъ ея отчаянію: „Скажите мнѣ, развѣ это тонъ дружбы и довѣрія? Что увлекаетъ меня? Помогите мнѣ узнать самоё себя; помогите мнѣ овладѣть собой. Моя душа вся взбудоражена; или это отъ раскаянія? Да развѣ это моя вина? или ваша? Или, можетъ быть, вашъ отъѣздъ такъ подѣйствовалъ на меня? Что же преслѣдуетъ меня? Я больше не могу! Въ это мгновеніе я вѣрю въ васъ до самозабвенія и, быть можетъ, никогда въ жизни больше не заговорю съ вами объ этомъ“. Нѣсколькими недѣлями позже она пишетъ: „Я не знаю больше, чѣмъ я вамъ обязана; я не знаю, что я вамъ даю. Я знаю, что ваше отсутствіе мнѣ тяжело, но я не поручусь, что ваше присутствіе принесетъ мнѣ благо. Какое ужасное положеніе, когда удовольствіе, утѣшеніе, все, наконецъ, дѣлается отравой. Скажите, что же мнѣ дѣлать? Въ чемъ найти покой? О! Сколько разъ умираешь, раньше чѣмъ умрешь!“

Легко понять причину страданій, такъ краснорѣчиво описанныхъ въ этихъ строкахъ. Она вѣдь не имѣетъ права распоряжаться этимъ трепещущимъ, ускользающимъ изъ-подъ ея власти, сердцемъ, она вѣдь отдала его другому; каждое его біеніе какъ бы измѣна другому. Уже наканунѣ отъѣзда Гибера она почувствовала первый приступъ угрызеній совѣсти, получивъ отъ Мора письмо, полное нѣжности и довѣрія: „Онъ говоритъ обо мнѣ, о моихъ мысляхъ, о моей душѣ съ такимъ пониманіемъ и убѣжденностью, какія имѣешь лишь тогда, когда очень живо и сильно чувствуешь то, о чемъ говоришь“. И вдругъ эти страницы разбудили ея уснувшую совѣсть: „Я хочу быть откровенной съ вами, съ самой собой; въ томъ смятеніи, въ какомъ я нахожусь, я, право, боюсь обмануть себя. Быть можетъ, мои угрызенія совѣсти сильнѣе моей вины; быть можетъ, тревога, которую я чувствую, больше всего оскорбила бы того, кого я люблю...“ Напрасно разсуждаетъ она такъ и старается разувѣрить себя; внутренній голосъ твердитъ ей, что она дѣйствительно виновата: „Какая роковая судьба привела васъ ко мнѣ для того, чтобы развлечь меня? Почему я не умерла тогда, въ сентябрѣ? Я умерла бы тогда

безъ сожалѣнія и безъ самообвиненій. Увы! я и сейчас умерла бы за него, я это чувствую; нѣтъ ничего, чѣмъ бы я не пожертвовала ему; но два мѣсяца тому назадъ не было бы и рѣчи о жертвѣ. Я любила не сильнѣе, но любила лучше“.

Таково начало борьбы, въ теченіе трехъ лѣтъ раздиравшей ея душу; именно съ этого дня начинается ея долгое мученичество. Въ нашемъ разказѣ мы прослѣдили его начальные этапы; здѣсь нужно прежде всего разказать, какъ печальныя вѣсти изъ Испаніи усилили мученія Жюли за время отсутствія Гибера.

Мы разстались съ маркизомъ де Мора въ тотъ день, когда онъ покидалъ Парижъ, чтобы продѣлать курсъ лѣченія въ Баньерѣ. Пребываніе тамъ не было удачнымъ; ужасныя кровохарканія въ соединеніи съ кровопусканіями, предписанными врачами, настолько его ослабили, что сомнѣвались, сможетъ ли онъ доѣхать до Мадрида. „Онъ уѣхалъ изъ Баньера въ такомъ состояніи, что я боюсь за его жизнь,—сообщала Жюли Кондорсэ.—Его сопровождаетъ его докторъ; но если онъ можетъ ему помочь, онъ не можетъ его уберечь отъ новаго приступа, котораго онъ не вынесетъ, благодаря своему истощенію. Ему девять разъ пускали кровь, и онъ былъ такъ разбитъ, что не могъ судить объ опасности, какой онъ подвергался, пускаясь въ дорогу... Вы самый лучший и чувствительный изъ людей; судите же о моемъ положеніи!“ Путь до Байонны прошелъ однако удовлетворительно; тамъ къ нему присоединилась его сестра, герцогиня Вилла-Эрмоза, и они вмѣстѣ возвратились въ испанскую столицу. Отдыхъ, хорошія уходъ, родной воздухъ принесли ему нѣкоторое облегченіе. Но его ожидало суровое испытаніе: будучи еще серьезнѣе больна, чѣмъ сынъ, и быстро угасая, графиня Фуэнтесъ собирала послѣднія силы, чтобы бороться противъ страсти, пожиравшей ея сына. На просьбы Мора дать разрѣшеніе на его бракъ съ Жюли она отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Молодая герцогиня Вилла-Эрмоза, благодаря своей набожности, также боялась вліянія на брата „коварной француженки“ и поддерживала мать въ ея упрямомъ сопротивленіи. „У меня предчувствіе,—писала Жюли, справедливо обезпокоенная,—что г-жа Вилла-Эрмоза отравитъ мнѣ остатокъ моей жизни. Пусть она, по крайней мѣрѣ, не отравитъ его жизни!“ Эти споры и семейныя распри, отсрочивавшіе осуществленіе его проектовъ, повергали Мора въ настоящее отчаяніе, но не могли поколебать вѣрности его сердца: „Я получила десять страницъ, наполненныхъ меня печалью и нѣжностью,—пишетъ Жюли.—Онъ гораздо несчастнѣй меня; онъ умѣетъ лучше любить; у него больше характера. Однимъ словомъ, онъ имѣетъ

все, что надо, чтобы быть самым несчастнымъ и самымъ любимымъ изъ всѣхъ людей“.

Увлеченныя своимъ усердіемъ, мать и сестра де Мора дошли вскорѣ до жестокихъ средствъ. Онѣ воспользовались слабостью, приковывавшей больного къ его комнатѣ, и перехватывали при случаѣ переписку влюбленныхъ. Отсюда проистекали періоды нужденнаго молчанія, сопровождавшіеся обвиненіями по адресу почты. „Письма теряются; они постоянно запаздываютъ“; эта жалоба непрерывно выливается изъ-подъ пера Жюли. Въ концѣ-концовъ въ ней зарождаются нѣкоторыя подозрѣнія; тогда она рѣшила обратиться къ герцогу Вилла-Эрмоза. Преданный д'Аламберъ лишній разъ исполняетъ роль посредника; вотъ происхождение переписки, которая сохранилась въ архивѣ дома Вилла-Эрмоза и является теперь для насъ драгоценнымъ источникомъ. „Хотя друзья маркиза де Мора и одобряютъ его молчаніе, они очень имъ встревожены,—пишетъ философъ;—они боятся, не происходитъ ли оно скорѣе отъ невозможности его прервать, чѣмъ отъ режима, который предписываетъ его соблюдать. Г. герцога настоятельно просятъ быть добрымъ и сообщить друзьямъ маркиза де Мора, страдаетъ ли его грудь еще отъ жестокаго потрясенія, перенесеннаго имъ въ Баньерѣ, теряетъ ли онъ еще по временамъ сознаніе и чѣмъ онъ питается? Г. герцогъ великодушно извинить эти вопросы во имя дружбы, обязывающей ихъ предложить“.

Зять де Мора отвѣчаетъ на этотъ запросъ съ полной готовностью и очень подробно: „Вы можете успокоить его друзей; его легкія не пострадали отъ жестокаго припадка въ Баньерѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ оттуда уѣхалъ, съ нимъ ни разу не было ни малѣйшаго обморока. Однако онъ еще слишкомъ слабъ, чтобы питаться только овощами; онъ ѣстъ немного нашего *puchero*, попанскаго супа, цыпленка и телятину. Онъ долженъ обѣдать со всѣмъ однимъ, и лишь вчера онъ оказалъ мнѣ честь обѣдать у меня; въ первый разъ онъ покинулъ комнату въ такой часъ. Онъ выходитъ очень мало и съ соблюденіемъ предосторожностей, какія только можно себѣ представить, противъ холоднаго и пронизывающаго воздуха этой страны. Однимъ словомъ, сударь, я имѣю честь вамъ сказать, что онъ поправляется, хотя и медленно. Онъ просилъ меня увѣрить васъ и всѣхъ своихъ друзей въ своей привязанности и признательности и сказать вамъ, что онъ писалъ на послѣдней недѣлѣ и три почты тому назадъ къ г-жѣ де Леспинассъ“ 1).

1) „Меня удивляетъ,—отвѣчаетъ д'Аламберъ на это письмо,—что вы мнѣ дѣлаете

Позднѣйшія письма герцога, затѣмъ письма Мора, отправленныя черезъ этого посредника, сначала давали надежду на полное выздоровленіе. Послѣдніе зимніе мѣсяцы и начало весны не принесли серьезнаго рецидива; и Жюли начинала нѣсколько успокаиваться, какъ вдругъ черезъ мѣсяць послѣ отъѣзда Гибера наступилъ новый кризисъ, вызвавшій новыя волненія. „Онъ харкалъ кровью, два раза ему пустили кровь,—сообщаетъ Гиберу г-жа де Леспинассъ;—въ моментъ отбытія курьера ему было лучше, но кровохарканіе можетъ возобновиться; какъ можно быть спокойнымъ при такой перспективѣ!... Страданіе,—прибавляетъ она,—разслабило мою душу, и я ему уступаю. Въ пять часовъ утра я приняла два зерна опиума; они мнѣ дали спокойствіе, болѣе цѣнное, чѣмъ сонъ... Я могу съ вами говорить, могу жаловаться; вчера у меня нехватало словъ, я не смогла бы даже сказать, что я боюсь за жизнь того человѣка, котораго люблю; мнѣ было бы легче умереть, чѣмъ промолвить тѣ слова, отъ которыхъ леденѣло мое сердце. Вы любили; поймите же, что значить подобная тревога! И до среды я буду въ неизвѣстности, которая повергаетъ меня въ ужасъ и которая тѣмъ не менѣе заставляеть меня прожить до этого срока“.

Ее подкашиваетъ безпокойство, которое, по собственному ея выраженію, постоянно бросаетъ ее „изъ конвульсивнаго состоянія въ состояніе подавленности“ и страннымъ образомъ отзывается на ея чувствѣ къ Гиберу. Будучи столь же суевѣрной, сколь и мало вѣрующей, она въ первый моментъ не можетъ удержаться, чтобы не привести испытываемыя ею мученія въ связь съ своею невѣрностью; она въ этомъ видитъ какъ бы наказаніе за свою вину и проклинаетъ судьбу, поставившую на ея пути рокового утѣшителя: „Да, по совѣсти я думаю, что тотъ день, который я провела годъ тому назадъ въ Мулень-Жоли, былъ несчастьемъ моей жизни. Я ненавижу, я презираю судьбу, толкнувшую меня написать вамъ *первую записку*!“ Ей недостаточно обвинять самоё себя; она хочетъ обвинить Гибера за то чувство, которое онъ ей внушилъ: „О! Что же вы такое, что сумѣли на мгновеніе отдалить меня отъ самаго очаровательнаго и совершеннаго изъ всѣхъ созданій въ мірѣ“. И горечь, переполюющая ее, дѣлаетъ ее строгой, даже несправедливой по отношенію къ тому, кто въ своихъ далекихъ странствіяхъ удивляется и не понимаетъ при-

честь сообщить, что маркизъ де Мора писалъ г-жѣ де Леспинассъ нѣсколько писемъ. Она не получила ни одного, и, конечно, дѣло не въ здѣшней почтѣ. Она думаетъ, что ея къ нему письма имѣли ту же судьбу. Въ такомъ случаѣ, г. герцогъ, позвольте мнѣ васъ умолять передать это письмо маркизу де Мора“.

чины измѣнчивости ея настроеній: „Я недовольна вашей дружбой; я нахожу, что есть холодность и легкомысліе въ томъ, что вы мнѣ не сказали, почему вы не написали изъ Дрездена, какъ общались... И затѣмъ,—надо ли это говорить?—я оскорблена тѣмъ, что вы меня *благодарите за интересъ*, который я проявляю въ отношеніи васъ. Или вы думаете, что вы такимъ образомъ отвѣчаете мнѣ тѣмъ же? Вы находите меня несправедливой и сложной; нѣтъ, я вовсе не такова; я очень правдива, больна и несчастна. Если я не буду говорить вамъ того, что чувствую, что думаю, тогда я вамъ ничего не буду говорить“. Нѣсколько недѣль спустя она пишетъ: „Вы молоды, вы знали любовь, вы страдали и изъ всего этого вы заключили, что вы человѣкъ чувствительный; а между тѣмъ это неправда!“ Жалобы и упреки такого рода уже съ этого момента дѣлаются обычнымъ явленіемъ въ письмахъ Жюли; но это пока только мимолетныя тучи, быстро исчезающія подъ лучами ея зарождающейся нѣжности. Каждый шагъ, сдѣланный назадъ, вызываетъ обратный шагъ, и страхъ оскорбить друга внушаетъ ей выраженія, въ которыхъ прорывается возрастающая страсть. Она постепенно отказывается отъ полусловъ; вскорѣ она признается съ полной откровенностью въ этой страсти, съ которой она уже больше не можетъ бороться, и рѣдко подобное признаніе бываетъ выражено болѣе нѣжно и деликатно: „Я васъ слишкомъ люблю, чтобы быть въ состояніи сдерживать себя; я предпочитаю просить у васъ прощенья, чѣмъ не дѣлать ошибокъ. У меня нѣтъ съ вами самолюбія. Я не знаю больше обязанностей въ отношеніи моего друга; я приближаюсь къ естественному состоянію; дикари не любятъ съ большей чувствительностью и откровенностью. Свѣтъ, несчастье—ничто не могло испортить моего сердца... Не скупитесь, дайте мнѣ многое; вы увидите, что я не обременю васъ. О! Вы увидите, какъ я умѣю любить! Я только и живу любовью, я только и умѣю любить!“ Приведемъ еще слѣдующія строки, столь нѣжныя при всей ихъ видимой суровости: „Я не принимаю ни одной вашей похвалы, и я васъ удивлю: онѣ мнѣ нисколько не льстятъ. Не все ли мнѣ равно, что вы считаете меня неглупой? Это странно, но тѣмъ не менѣе это такъ: вы для меня единственный свѣтскій человѣкъ, которому я совсѣмъ не стараюсь нравиться“. И посмотримъ, какъ она, наконецъ, отказывается отъ всякой гордости и вымаливаетъ взаимнѣ нѣжности немого мягкости и состраданія: „Помните, что вы должны считаться съ моимъ положеніемъ: я больна, я несчастна; неужели это не подѣйствуетъ на вашу добродѣтель? То, что она мнѣ дастъ, будетъ оплачено безконечной призна-

тельностью. Боже мой! Не правда ли, какой это слабый мотивъ и какое жалкое чувство!“

Здѣсь нельзя ошибиться; это языкъ любви, подчасъ еще робкой, но однако полной и уже властной, всецѣло господствующей надъ тѣмъ сердцемъ, въ которомъ она водворилась. Если тотъ, кому предназначались эти строки, еще могъ въ этомъ сомнѣваться, то, чтобы его убѣдить, достаточно будетъ тѣхъ отрывковъ, гдѣ Жюли признается какъ бы помимо воли въ тѣхъ страданіяхъ, какія ей причиняетъ еще не порванная связь Гибера съ г-жей де Монсожъ. Имя этой женщины постоянно повторяется въ ея письмахъ; она спрашиваетъ о ней Гибера съ печальнымъ любопытствомъ: получилъ ли онъ вмѣстѣ съ ея письмами письма отъ своей любовницы? Какія онъ прочелъ сначала? На какія онъ отвѣтилъ раньше? „Установимъ положеніе, опредѣлите мнѣ мое мѣсто; но такъ какъ я не люблю перемѣщаться, то не давайте мнѣ плохого. Я не хочу того, на которомъ вы *терпите* эту несчастную женщину“. Часто также она высказываетъ сожалѣніе о судьбѣ возвышеннаго человѣка, связаннаго съ особой, не могущей его понять: „Почему эта женщина не любитъ васъ до сумасшествія, какъ вы бы этого хотѣли и какъ вы заслуживаете? На что употребляетъ она свою душу и жизнь? О, да! она не имѣетъ ни вкуса, ни чувствительности, я въ этомъ увѣрена. Она должна была бы васъ любить хотя бы только изъ тщеславія. Но во что я вмѣшиваюсь? Вы довольны или, если нѣтъ, вы, по крайней мѣрѣ, любите то зло, какое она вамъ причиняетъ“. Можно прослѣдить, какъ рождается и растетъ въ ней безпокойная ревность, которая скоро сдѣлается однимъ изъ худшихъ страданій ея жизни.

Еще другой страхъ волнуетъ ее и виденъ во многихъ изъ ея писемъ: она боится, какъ бы свѣтъ не заподозрилъ чистоты ея отношеній съ Гиберомъ и какъ бы слухъ объ этомъ не дошелъ до Мадрида и не посѣялъ бы отчаянія въ вѣрномъ и довѣрчивомъ сердцѣ.

Однажды Шастеллю осторожно намекнулъ на новое чувство, наполнявшее ея мысли: „Онъ думаетъ, что я васъ очень люблю. Откуда онъ это знаетъ? Развѣ вы ему писали?“ Другой разъ, во время визита у г-жи де Буффлэ, разговоръ принялъ еще болѣе тревожный характеръ: хозяйка дома, большой другъ Гибера, вѣстила передъ многочисленнымъ собраніемъ, что онъ больше не любитъ г-жу де Монсожъ, но что онъ „сильнѣйшимъ образомъ увлеченъ“ другой неизвѣстной женщиной, и что онъ путешествуетъ лишь для того, чтобы излѣчить свое сердце: „Наконецъ,

послѣ многихъ предположеній спросили меня, люблю ли я васъ и хорошо ли я васъ знаю, такъ какъ я не сказала ни одного слова: *Да, я его очень люблю, и когда его хоть немного узнаешь то можно его любить лишь такимъ образомъ.—Ну хорошо, такъ вы знаете о его связи? Кто предметъ его страсти?—Нѣтъ, ни совѣсти я ничего объ этомъ не знаю*. Догадываются ли онѣ о чемъ нибудь? Въ ужасѣ отъ подобной мысли, Жюли упрасиваетъ Гибера не говорить ни съ кѣмъ объ ней и тщательно уничтожаетъ ея письма: „Сжигаете ли вы мои письма? Я вижу отсюда, какъ изъ вашихъ кармановъ падаютъ огромные пакеты. Беспорядокъ въ вашихъ бумагахъ смущаетъ мое довѣріе“.

Безполезно прибавлять, что ея желаніе не было исполнено тѣ выдержки изъ ея писемъ, которыя мы только что читали, доказываютъ намъ это достаточно ясно. Къ сожалѣнію, Жюли была болѣе осторожна и большинство писемъ Гибера этого перваго періода ускользнуло отъ всякихъ поисковъ. Какъ ни мало ихъ удалось найти, но тѣ изъ нихъ, которыя уцѣлѣли, сопоставленныя съ тѣми отрывками писемъ г-жи де Леспинассъ, гдѣ она намекаетъ на содержаніе полученныхъ ею страницъ, позволяютъ намъ судить, въ какой мѣрѣ предметъ такой нѣжной страсти отвѣчаетъ на выраженныя ему чувства. Впрочемъ, сама Жюли въ это время еще колеблется въ этомъ пунктѣ: „Что думаете вы,—спрашиваетъ она его однажды,—о человѣкѣ, который отдается раньше, чѣмъ узнаетъ, примутъ ли его“? Вначалѣ Гиберь, по-видимому, въ самомъ дѣлѣ былъ прежде всего удивленъ, почти обезпокоенъ и чувствовалъ какъ бы смущеніе по поводу этой пламенной страсти, этого типа любви, до того дня для него еще незнакомаго. Легкія свѣтскія ухаживанія, мирная и нетребовательная привязанность г-жи де Монсожъ не приготовили его къ такому пылкому порыву, къ этому потоку лавы. Вотъ почему онъ лавируетъ, пишетъ рѣдко и, когда Жюли жалуется на молчаніе, неловко извиняется: „Я всегда говорилъ себѣ: завтра я напишу; но дни протекали быстро. Я никому не писалъ. Когда я вамъ не пишу, то знайте разъ навсегда, что я умеръ для всей вселенной“.

Каждый разъ, когда это возможно, онъ избѣгаетъ личныхъ вопросовъ, уклоняется отъ опасныхъ пунктовъ и наполняетъ свои письма разсказами, описаніями, безъ сомнѣнія интересными, но столь банальными, что г-жа де Леспинассъ могла безъ риска ознакомить съ ними своихъ обычныхъ посѣтителей, Шастеллю, г-жу Жоффренъ, даже самого Мора: „Вы мнѣ такъ мало говорите о себѣ,—грустно упрекаетъ она его,—что ваши письма могли

бы быть адресованы почти ко всѣмъ извѣстнымъ вамъ женщинамъ. Мои не таковы; они могутъ имѣть лишь одинъ адресъ“. Понукаемый, онъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ и видитъ въ самыхъ прозрачныхъ признаніяхъ лишь дружескія увѣренія: „Я цѣню совѣты, которые вы мнѣ даете. Я съ удовольствіемъ нахожу, что они исходятъ отъ лица, желающаго быть увѣреннымъ въ томъ, что мы снова увидимся. А я вамъ скажу въ свою очередь: берегите себя до моего пріѣзда, постарайтесь успокоить вашу душу... Дружба, какъ я ее чувствую, или скорѣй, какой вы мнѣ ее внушили, имѣетъ на меня такія права, о размѣрахъ которыхъ вы еще не рѣшаетесь думать... Я люблю вашу дружбу такой, какъ она есть; ея живость составляетъ мое счастье, и я надѣюсь, что она не повредитъ вашему“. И онъ намѣренно упоминаетъ о д'Аламберѣ, когда говоритъ о своемъ желаніи увидѣть Жюли: „Я очень радъ, что г. д'Аламберъ питаетъ ко мнѣ дружескія чувства. Какъ я буду радъ его увидѣть!“

Въ одномъ пунктѣ однако онъ даетъ Жюли нѣкоторое удовлетвореніе, не щадя ни сердца, ни ума г-жи де Монсожъ: „Что вы скажете о чувствѣ, которое должно бы быть болѣе сильнымъ, чѣмъ ваше, и однако всегда остается позади вашего? Ахъ! не говорите мнѣ о немъ, вы огорчили бы меня, если бы вы разъяснили мнѣ этотъ вопросъ. Или вы думаете, что если бы на то была моя воля, я не промѣнялъ бы ея качествъ на ваши?“ Но онъ портитъ сейчасъ же все впечатлѣніе отъ этихъ строкъ, ставя на одну доску пренебрегаемую любовницу и новую подругу: „Какой смѣшной перечень даете вы о всѣхъ тѣхъ, кому вы уступаете мѣсто! Г-жа де Монсожъ и вы,—клянусь, что вы обѣ стоите на первомъ мѣстѣ среди тѣхъ, о комъ я думаю. Я не сумѣю сказать, которой изъ васъ я пишу первой; сегодня, напрімѣръ, вамъ!“

Среди этихъ диссонансовъ и недоразумѣній, поѣздка Гибера подходила къ концу. Проѣхавъ по очереди Пруссію, Силезію и Австрію, онъ подумывалъ одну минуту, къ великому огорченію Жюли, о поѣздкѣ въ Петербургъ. Но онъ отказывается отъ этого проекта, также какъ и отъ поѣздки въ Швецію, и г-жа де Леспинассъ, хотя и радуясь этому, не можетъ удержаться отъ безпкойной подозрительности: „Почему вы отказались отъ поѣздки на сѣверъ? Я не могу повѣрить, что это дѣлается лишь для того, чтобы сократить продолжительность вашего путешествія. Кому же вы жертвуете Швеціей? Если у васъ потребовали этой жертвы, вы довольны... Во всякомъ случаѣ, если ваше возвращеніе случится скорѣй, я благодарна тому, кто былъ этому причиной“. Въ послѣднихъ числахъ августа онъ извѣщаетъ ее, что ѣдетъ

изъ Вѣны во Францію; послѣ этого проходить три недѣли безъ всякихъ извѣстій. Письмо, полученное Жюли послѣ долгаго молчанія, не могло ее успокоить: наканунѣ отъѣзда Гиберъ заболѣлъ; воспаленіе кишекъ и жестокая лихорадка уложили его на нѣсколько дней въ кровать. Болѣзнь Гибера приводитъ ее въ отчаяніе и она боится, что Гиберъ не говоритъ всей правды: „По тону вашего письма я вижу, что вы были очень слабы, блѣдны и изнурены... Во имя дружбы, не совершайте больше безумствъ; спите, отдыхайте и не рискуйте не пріѣхать вовсе, желая пріѣхать скорѣй!“ Онъ болѣе чѣмъ добросовѣстно слушается этихъ добрыхъ совѣтовъ и задерживается настолько, что первая недѣля октября застаётъ его еще въ Вѣнѣ, и онъ не знаетъ, возвращаться ли ему въ Парижъ, или продолжать путешествіе. Онъ отказывается отъ послѣдней мысли лишь по настоянію Жюли: „Возвращайтесь, возвращайтесь; было бы жестоко уѣзжать еще дальше!“ Наконецъ, 9 октября его рѣшеніе принято: „На этотъ разъ я уѣзжаю и ручаюсь въ этомъ, такъ какъ вотъ уже четыре дня, какъ у меня нѣтъ лихорадки, моя карета заложена и черезъ двѣ минуты я буду въ ней“... Онъ предполагаетъ передвигаться медленно, но въ концѣ мѣсяца онъ навѣрно уже будетъ въ Парижѣ. Велика радость Жюли при такомъ обѣщаніи; однако ее охватываетъ одно безпокойство: не заѣдетъ ли онъ сначала въ Бретешъ навѣстить г-жу де Монсожъ? „Безъ сомнѣнія, въ тотъ моментъ, когда я васъ увижу, вы будете еще поглощены тѣмъ, что вы пережили, увидѣвъ ту, кого любите. Признайтесь, что въ тотъ день вы будете дальше отъ меня, чѣмъ тогда, когда вы были въ Бреславлѣ. Боже мой! Это справедливо! Однако я буду очень счастлива, лишь бы только вы пришли ко мнѣ, когда будете спокойны“. Гиберъ снисходительно старается устранить эту заботу: „Я увижу васъ раньше, чѣмъ ее. Это несомнѣнно, такъ какъ мнѣ нужно сначала пріѣхать въ Парижъ; но если бы она находилась на дорогѣ въ Парижъ и если бы я зналъ, что ваши страданія, ваше здоровье, ваша душа нуждаются во мнѣ на моментъ раньше, я пріѣхалъ бы прямо къ вамъ“.

Въ такомъ неопредѣленномъ настроеніи, полномъ и любви, и страха, желанія и ревности, ожидаетъ г-жа де Леспинассъ часа встрѣчи; и вотъ какъ она повѣряетъ свое смятеніе человѣку, который отнынѣ держитъ ея жизнь въ своихъ рукахъ: „Я теперь упрекаю себя за тѣ угрызенія совѣсти, какія я питала, отдаваясь своей склонности къ вамъ... Теперь ли или раньше создавала я себѣ иллюзіи? По совѣсти, я не знаю. Но вы, кому несчастье не перевернуло всей души, вы лучше разберетесь во мнѣ, и когда

я васъ увижу, вы мнѣ скажете, должна ли я радоваться или огорчаться изъ-за того чувства, какое вы мнѣ внушаете“.

ХІІ.

Возвращеніе Гибера въ Парижъ. — Страсть Жюли разгорается. — Гиберъ порываетъ съ г-жей де Монсожъ. — Вечеръ 10 февраля 1774 г. — Трагическое совпаденіе. — Опыянніе первыхъ дней. — Жюли закрываетъ свой салонъ. — Первые разочарованія. — Тяжелое заболѣваніе маркиза де Мора. — Предсмертная записка къ Жюли. — Смерть маркиза де Мора. — Отчаяніе Жюли. — Она пытается покончить съ собой. — Угрызенія совѣсти. — Ея письма къ покойному.

Гиберу понадобилось лишь одно мгновеніе, чтобъ вывести душу Жюли изъ хаоса противорѣчивыхъ чувствъ и отъ сомнѣнія привести ее къ надеждѣ, а затѣмъ къ восторгу. Какъ только они увидѣлись, Жюли болѣе, чѣмъ когда-либо, подпала подъ его очарованіе. Онъ возвращался изъ своей поѣздки съ удвоеннымъ престижемъ: всюду говорили, что онъ побѣдилъ и даже восхитилъ всѣхъ, даже Фридриха Великаго, который цѣлую недѣлю принималъ его въ самой интимной обстановкѣ; Вольтеръ, которому онъ нанесъ визитъ, окрестилъ его „великимъ человѣкомъ“, и все больше утверждалось мнѣніе, что его имя будетъ отмѣчено среди самыхъ блестящихъ историческихъ именъ. Вдобавокъ никто не былъ въ этомъ такъ увѣренъ, какъ онъ самъ; когда писали съ него портретъ, онъ сказалъ отъ чистаго сердца: „Не надо никогда писать портрета съ человѣка, которому потомство не пожелаетъ воздвигнуть статую“.

Не блескъ этого „генія“ трогалъ однако больше всего Жюли де Леспинассъ. Безпрестанно имъ восхищаясь, она подчасъ тревожилась, что для столь могучаго ума любовь будетъ лишь времяпровожденіемъ, а не жизненной цѣлью: „Я много вижу г. де Гибера“,—сообщаетъ она графу де Крилльонъ. „Я нахожу его очень милымъ, но видно, что это онъ себя имѣлъ въ виду, когда говорилъ въ своемъ Коннетаблѣ: „Его таланты не давали ему покоя и лежали тяжестью на его душѣ“. Активность его природы поглощаетъ его и приводитъ къ тому, что онъ слишкомъ скоро исчерпываетъ свой интересъ ко всему, что его послѣдовательно занимаетъ... Онъ скучаетъ тамъ, гдѣ другіе радуются“.

Но всѣ сомнѣнія исчезали, какъ только она видѣла передъ собой его сверкающіе глаза, когда его краснорѣчивый голосъ очаровывалъ ея слухъ, а горячія слова заставляли ее трепетать до глубины души. Вѣдь и онъ также, уступивъ наконецъ, очарованію „волшебницы“ и зараженный той страстью, которая ее поглощала, впадалъ теперь вмѣстѣ съ ней въ экстазъ,

мечталъ о неизреченныхъ восторгахъ и неизвѣданномъ блаженствѣ. Именно теперь—по крайней мѣрѣ, онъ увѣрялъ въ этомъ Жюли—онъ порвалъ окончательно съ г-жей де Монсожъ; можно себѣ представить, какой благодарностью была оплачена такая жертва. Съ этого мгновенія ничто не останавливаетъ больше того порыва, который влечетъ ее къ этому, теперь освободившемуся сердцу; трепещущая, въ экстазѣ, она живетъ только для него и отдается, съ закрытыми глазами, уносящему ее потоку. Эта любовь не знаетъ, впрочемъ, ни спокойнаго довѣрія, ни сладости самозабвенія. Больная тѣломъ и душой, она находится во власти постоянной лихорадки: „Мое здоровье въ отвратительномъ состояніи,—пишетъ она незадолго до возвращенія Гибера;—я ужасно кашляю и дохожу до кровохарканья; мой голосъ угасъ... Я совѣмъ или почти совѣмъ не сплю“. Такое физическое состояніе усиливается еще ея сердечнымъ возбужденіемъ, ея терзаніями по поводу Мора, ея постоянной потребностью видѣть около себя того, кого занятія часто удерживаютъ въ другихъ мѣстахъ. Небольшое количество записокъ, сохранившихся отъ этого времени, содержатъ лишь постоянную мольбу посѣщать ее ежедневно и въ любое время: „Мой другъ, я васъ не увижу и вы мнѣ скажете, что это не по вашей винѣ; но если-бъ у васъ была тысячная доля моего желанія васъ видѣть, вы были бы здѣсь и я была бы счастлива... Когда у меня нѣтъ того, что я люблю, я люблю быть одна... Когда же я васъ увижу, утромъ или вечеромъ? Я предпочла бы утро, потому что оно наступитъ раньше, а вечеръ, потому что онъ продолжительнѣй. Въ концѣ-концовъ я буду рада тому, что вы мнѣ предоставите“.

Чувствительная до крайности, она страдаетъ точно отъ оскорбленія, отъ малѣйшей небрежности и забывчивости; и такъ же точно, малѣйшее вниманіе вызываетъ въ ней усиленіе нѣжности: „Мой другъ, я васъ люблю такъ, какъ надо любить, безграницно, безумно, съ восторгомъ и отчаяніемъ. Всѣ эти дни вы подвергали мою душу пыткѣ; я видѣла васъ это утро, я все забыла и мнѣ казалось, что я недостаточно сдѣлала для васъ, любя васъ всей душой и желая жить и умереть для васъ. Вы стоите большаго, чѣмъ все это“.

Между влюбленными, дошедшими до такого діапазона чувствъ, развязка должна была наступить скоро.

Благодаря многочисленнымъ намекамъ, встрѣчающимся въ ихъ перепискѣ, можно установить день, мѣсто и поводъ, приведшій ее къ паденію.

Въ теченіе зимняго сезона 1774 года Жюли де Леспинассъ

имѣла,—потому ли, что какой-либо любезный другъ сдѣлалъ ей это подношеніе, или потому, что она сама сочла возможнымъ позволить себѣ такую роскошь,—въ оперѣ обширную и удобную ложу, съ прилегающимъ къ ней „салономъ-комнатой“, какъ она выражается въ письмахъ, гдѣ можно было проводить время антрактовъ.

Гиберъ былъ приглашенъ разъ навсегда, и обыкновенно бывалъ съ ней наединѣ. Сидя рядомъ въ самой ложѣ или, чаще, „на хорошемъ диванѣ“ элегантнаго будуара, они больше бесѣдовали, чѣмъ слушали, и, по признанію Гибера, „слушали очень плохо“ „Сельскаго прорицателя“, Вертумна и Помону и другія модныя пьесы. Не такъ было, однако, въ вечеръ 10 февраля: они отдались очарованію мелодіи; мы знаемъ, какое глубокое впечатлѣніе производило „божественное искусство“ на душу и чувства Жюли. Гиберъ, въ свою очередь, относился къ нему не менѣе восторженно. Опера окончена, но они остались въ сосѣднемъ салонѣ, оба какъ бы истомленные отъ очарованія проникающей въ душу музыки. Ихъ растроганные нервы и сердца трепетали въ униссонъ; голова у нихъ закружилась; ихъ губы искали другъ друга, и они осушили, какъ пишетъ Жюли, кубокъ „упоительнаго яда“.

Въ этотъ же день, въ этотъ же часъ, по трагическому совпадению, въ Мадридѣ маркизь де Мора былъ вдругъ охваченъ новымъ приступомъ своей обычной болѣзни, на этотъ разъ настолько сильнымъ, что съ тѣхъ поръ онъ лишь медленно угасалъ и никогда уже больше не оправился. Недаромъ годомъ позже, вся содрогаясь при мысли объ этой годовщинѣ, Жюли вдругъ почувствовала себя охваченной ужасомъ: „10 февраля 1775 г.— Бьетъ полночь, мой другъ; меня только что охватило леденящее кровъ воспоминаніе. Почему судьбѣ угодно было соединить самое яркое и сладостное наслажденіе моей жизни съ самымъ ужаснымъ горемъ! Ахъ! Боже мой, годъ тому назадъ, въ этотъ самый часъ г. де Мора былъ сраженъ смертельнымъ ударомъ; а въ это же время я, будучи за триста верстъ отъ него, была болѣе жестока и болѣе виновата передъ нимъ, чѣмъ невѣжественные варвары, его убившіе! Я умираю отъ раскаянія! Прощайте, мой другъ, я не должна была васъ любить!“...

Эти страхи и угрызенія послѣдовали не сразу за паденіемъ Жюли, такъ какъ тревожная новость дошла до Париза лишь въ мартѣ. Наоборотъ, первыя недѣли были полны экстаза, восхищенія и изліяній переполненнаго сердца. Вотъ строки, написанныя повидимому на другой день послѣ того, какъ она отдалась Гиберу:

„Какъ вы себя чувствуете? Увижу ли я васъ? Ахъ! не отымайте отъ меня ничего. Время такъ коротко и я такъ цѣню каждый моментъ, когда вижу васъ. Мой другъ, у меня нѣтъ больше опіума ни въ головѣ, ни въ крови; въ ней есть нѣчто худшее,—то, что заставляетъ благословлять небо, любить жизнь, если тотъ, кого любишь, одушевленъ тѣмъ же чувствомъ... Да, вы должны бы любить меня до безумія. Я ничего не требую, я все прощаю и ни на одинъ моментъ во мнѣ не было упрековъ. Мой другъ, я выше похвалъ, такъ какъ люблю васъ выше похвалъ“. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, она пишетъ: „Я много думала о васъ, я была настолько поглощена вами, что поняла, какъ نابожные люди могутъ чувствовать присутствіе Бога, не отвлекаясь ничѣмъ“. Восемнадцать мѣсяцевъ спустя, вспоминая эти дни, полные опьянѣнія, она возвращается къ этому же сравненію: „Вы говорите о Люциферѣ; онъ хотѣлъ сравниться съ Богомъ; ну, что же, я сдѣлала больше; въ моей жизни было время, когда я не хотѣла бы съ нимъ помѣняться!“ Къ этому же времени относится знаменитая записка, краснорѣчиво краткая, какъ жаркій поцѣлуй: *„Отъ всѣхъ мгновеній моей жизни.—Мой другъ, я страдаю, я васъ люблю, я васъ жду“*.

Мысль объ „измѣнѣ“, объ уtratѣ своей добродѣтели, все то, что ее подвергнетъ впоследствии такимъ жестокимъ мученіямъ, все забыто въ эти часы опьянѣнія, все поглощено потокомъ страсти, затопившимъ все ея существо. Тотъ день, когда она отдалась душой и тѣломъ тому, кого она обожаетъ, она считаетъ новой эрой своей жизни: „Моя судьба рѣшилась 10 февраля: *любить васъ или умереть*“. И такъ сильна была перемѣна въ ея душѣ, что теперь она считаетъ себя навсегда излѣченной отъ своей обычной болѣзненной ревности и тяжелой подозрительности. Случаю было угодно, что она какъ разъ въ это время встрѣтила г-жу де Монсожъ; она была въ восхищеніи отъ ея лица и фигуры и, по ея собственнымъ словамъ, высказывала надежду, что душа госпожи де Монсожъ гармонируетъ съ ея очаровательной наружностью: „Я этому вѣрю и даже хочу этого. Что это? великодушіе или нѣтъ?!“

Такое хорошее настроеніе и спокойная увѣренность не могли продолжаться долго. При очевидной разницѣ характеровъ обоихъ любовниковъ, связь ихъ не могла оставаться мирной; Жюли, какъ мы знаемъ, доходила всегда до крайности, отдавалась цѣликомъ, и требовала того же; Гиберъ былъ, безъ сомнѣнія, влюбленъ, но вносилъ въ свою любовь эгоизмъ и легкомысліе челоуѣка, избалованнаго многочисленными побѣдами, къ тому же жаждущаго

разнообразія и вѣшней дѣятельности. Ихъ раздѣляетъ глубокая пропасть, и проникательный умъ г-жи де Леспинассъ очень скоро отдастъ себѣ въ этомъ отчетъ: „Вы довольствуетесь развлеченіями, занятіями и разнообразіемъ впечатлѣній,—скажетъ она ему вскорѣ,—для меня мое счастье въ васъ и только въ васъ“. Съ каждой недѣлей разногласіе ихъ натуръ выступаетъ все яснѣй наружу. У Жюли пропала теперь любовь къ обществу, даже къ тому наслажденію, которое она испытывала раньше въ разговорѣ съ умными людьми: „Ахъ! не говорите мнѣ объ утѣшеніи, которое мнѣ даетъ общество! Оно для меня теперь не болѣе какъ невыносимое принужденіе и, если-бъ я могла побудить г. д'Аламбера не быть со мной, то моя дверь была бы закрыта для всѣхъ“. Эта новая потребность уединенія, спокойствія и молчанія доводитъ ее до несправедливости. Въ душѣ тѣхъ, общества которыхъ она раньше искала, она видитъ теперь лишь гордость, глупость и самодовольство, однимъ словомъ, какъ говоритъ она, „собраніе и ассортиментъ всего, что въ теченіе тысячи вѣковъ населяетъ адъ и сумасшедшіе дома“. „Всѣ они,—прибавляетъ она,—были вчера вечеромъ въ моей комнатѣ, и я удивляюсь, что стѣны и потолокъ не обрушились. Среди всѣхъ этихъ писаекъ, педантовъ, глупцовъ и ужасныхъ людей, съ которыми я провела день, я думала лишь о васъ и о вашихъ безумствахъ, я жалѣла, что васъ нѣтъ, я васъ хотѣла“.

Вотъ еще изображеніе ея прежнихъ друзей: „Богъ мой, какъ я ихъ ненавижу и презираю, и какъ для меня было бы ужасно вновь начать жить такъ, какъ я жила въ теченіе десяти лѣтъ. Я такъ близко видѣла порокъ, такъ часто была жертвой маленькихъ и гаденькихъ страстей свѣтскихъ людей, что у меня осталось отъ всего этого непреодолимое отвращеніе и ужасъ, который заставилъ бы меня предпочесть ихъ обществу полное одиночество“.

Въ противоположность своей подругѣ, Гиберъ не можетъ обходиться безъ этой сумятицы; ему нужна публика, аплодисменты, восхищеніе себѣ подобныхъ. „Вы не созданы для интимности“,—говоритъ она ему грустно,—у васъ потребность расточать себя; вамъ необходимъ шумъ общества. Это не потребность вашего тщеславія, а вашей активности“. Пребываніе наединѣ, даже съ любимой женщиной, быстро вызываетъ у него непобѣдимую усталость; онъ замѣтно охладѣваетъ, вяло поддерживаетъ разговоръ и иногда почти засыпаетъ: „Вчерашній вечеръ,—пишетъ она однажды,—походилъ на одинъ изъ тѣхъ несносныхъ романовъ, отъ которыхъ скучаетъ и авторъ, и читатель. Остается сказать то,

что сказалъ прусскій король по поводу болѣе важнаго случая: *другой разъ мы сдѣлаемъ лучше*. И несмотря на эти униженія, ея болѣзненная потребность его видѣть доходитъ до такой степени, что она отказывается отъ своей гордости и вымаливаетъ у него нѣсколько лишнихъ мгновений: „Знаете ли вы, почему я предпочитаю видѣть васъ вечеромъ, чѣмъ днемъ? Потому что вечеръ парализуетъ вашу подвижность: нельзя тогда идти къ *е-юль такой-то* или къ Глюку и дѣлать сотню бесполезныхъ вещей, къ которымъ вы, по-моему, проявляете интересъ лишь для того, чтобъ покінуть меня раньше“.

Такая настойчивость является тѣмъ болѣе странной, что она съ каждымъ днемъ все больше теряетъ иллюзіи насчетъ этого сердца, которое вначалѣ она уже считала принадлежащимъ ей. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ съ рокового вечера, какъ она уже поняла свою ошибку: „Какъ могла я заблуждаться и ошибаться до такой степени? Почему мой умъ не поддержалъ моей души? И какъ это дѣлается, что, осуждая васъ безпрестанно, я всегда бываю увлечена вами“? Теперь она знаетъ до потери всякихъ сомнѣній, что онъ не можетъ испытывать глубокаго чувства, что для него любовь—только „приключеніе, свойственное его возрасту“, что встрѣтъ онъ даже созданіе, надѣленное всѣми качествами и достоинствами, онъ не смогъ бы дать счастья этому идеальному существу. Тѣмъ болѣе она не надѣется больше ни на что для себя, и это убѣжденіе въ ней настолько сильно, что въ большинствѣ случаевъ она не рѣшается раскрывать свою душу и дать выходъ ея глубочайшимъ силамъ: „Я не говорю вамъ ни о моихъ сожалѣніяхъ, ни о моихъ воспоминаніяхъ и, что еще болѣе жестоко, я вамъ показываю лишь часть наполняющаго мое сердце чувства и я подавляю въ себѣ страсть, которую вы вызываете въ моей душѣ. Я безъ конца говорю себѣ: онъ не отвѣтитъ мнѣ тѣмъ же, онъ не пойметъ меня и я умру съ горя“!

Вслѣдъ за разочарованіемъ быстро появляется недовѣріе, и уснувшая было ревность пробуждается еще сильнѣй и острѣй, чѣмъ когда-либо. Она вкладываетъ въ нее изумительную изобрѣтательность и горестную настойчивость и создаетъ себѣ тысячи разныхъ поводовъ къ мученіямъ; и надо признаться, что ей не трудно было найти поводы съ такимъ человѣкомъ, какъ Гиберъ, отъ котораго столько женщинъ сходило съ ума. Нѣкоторое время ея подозрѣнія направляются на г-жу де Буффлэ.

По своемъ возвращеніи изъ Пруссіи Гиберъ аккуратнo навѣщала послѣднюю, и это вызвало сплетни; во всякомъ случаѣ слухъ объ этомъ дошелъ до Жюли. Можно себѣ представить, насколько она

была этимъ взволнована: „Аббатъ Мореллэ говорилъ послѣдніе дни въ своей душевной невинности, что вы очень влюблены въ графиню де Буффлэ, что вы совершенно поглощены ею и желаніемъ ей нравиться и т. д. Если это и не вполнѣ вѣрно, то во всякомъ случаѣ настолько правдоподобно, что мнѣ, кажется, не остается ничего другого, какъ жаловаться на то, что вы меня въ это не посвятили. Если вы хотите поправить дѣло со мной, я попрошу васъ только объ одномъ: скажите мнѣ *правду*. Повѣрьте, что нѣтъ ничего, чего бы я не могла выслушать. Я могу вамъ показаться настолько слабой, что вы можете убѣдить себя въ необходимости меня беречь; это неправда; никогда, наоборотъ, я не чувствовала въ себѣ больше силъ; во мнѣ есть сила страдать“. Ни опроверженія Гиберы, ни его подчеркнуто презрительные отзывы о г-жѣ де Буффлэ, ничто не могло вполнѣ уничтожить недовѣрчивости Жюли, и въ ея перепискѣ постоянно встрѣчаются по этому поводу язвительные намеки и замаскированные упреки.

Это, однако, лишь легкое облачко и поверхностное горе; настоящимъ мученіемъ и вѣчно ноющей раной является ея ревность къ г-жѣ де Монсожъ. Гиберъ, безъ сомнѣнія, порвалъ съ ней любовныя отношенія—онъ это торжественно обѣщалъ,—но онъ остался другомъ своей прежней любовницы и оказывалъ ей вниманіе, а это было невыносимо для Жюли: „Я замѣчаю, что вамъ доставляетъ удовольствіе заботиться о г-жѣ де М. Вы ей даёте и предлагаете все, что вамъ доставляло удовольствіе; со мной у васъ другая крайность—забвеніе, пренебреженіе, отказы. Вотъ уже три мѣсяца какъ вы мнѣ обѣщали принадлежащую вамъ книгу, и я была вынуждена попросить ее у другого. Конечно, хорошо, что такая нелюбезная манера обращенія падаетъ на меня; это только справедливо, и я жалуясь лишь на чрезвѣрность“.

Но въ этомъ сказывается еще лишь горечь, а вотъ и отчаяніе: „Держу пари, что въ тотъ моментъ, когда вы будете читать это, вы уже получите записку, гдѣ вамъ говорятъ: я жалѣю ради себя о порывахъ своего сердца; твоему счастью всегда не будетъ оставать Монсожъ! Ахъ! Боже мой, повѣрьте этому, верните ей покой и, если возможно, будьте счастливы. Таково желаніе несчастнаго созданія, передъ глазами котораго всегда рисуется адпись на дверяхъ ада: войдя сюда, оставь надежду навсегда!“

Что же будетъ съ нею, когда въ маѣ Гиберъ уѣдетъ на нѣсколько дней, чтобы посѣтить въ ея замкѣ Бретешъ ту, кто внушаетъ Жюли столько страха и ненависти!? Начиная съ зна-

менательнаго вечера 10 февраля, это была первая разлука влюбленныхъ; Жюли была ею жестоко оскорблена. Хотя они и видѣлись ежедневно, она обыкновенно не могла удержаться, чтобы не писать ему по всякому поводу; но теперь она воздерживается отъ того, чтобы написать ему за все время разлуки хоть одно слово, и въ слѣдующихъ строкахъ, полныхъ горечи, она объясняетъ ему въ моментъ его возвращенія причину своего молчанія: „Не заставляйте меня говорить о томъ, почему я не могла вамъ писать туда, *гдѣ вы были*. Я сама себѣ не смѣю признаться въ причинѣ этого; это мысль и душевное движеніе на которыхъ я не хочу останавливаться; это мука, внушающая мнѣ ужасъ, унижающая меня и до сихъ поръ мнѣ еще неизвѣстная!“ Свиданіе, происшедшее на слѣдующій день, вызвало первую изъ тѣхъ сценъ, которыхъ вскорѣ стало такъ много. Жюли вышла изъ себя, а Гиберъ отвѣтилъ ей на это сухосты и презрѣніемъ; такъ, повидимому, можно заключить изъ записки написанной вскорѣ послѣ ссоры: „Воскресенье, полночь. Вы, знайте, забыли, вы покинули эту *фурію*, сразу и сумасшедшую, и злую?! Несчастное созданіе провело весь день въ преддверіи рая она ждала ангела утѣшителя, а онъ не пришелъ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ занятъ тѣмъ, что давалъ счастье и радость какому-нибудь небесному созданію; онъ и самъ былъ увлеченъ небесными удовольствіями и при такомъ настроеніи ничто не могло ему напомнить обо мнѣ“. Одна эта мысль вновь подымаетъ ее улегшійся гнѣвъ: „Если онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ счастливъ я отъ глубины души желаю, чтобы ничто не привело его снова ко мнѣ; ибо я достаточно несправедлива, чтобы ненавидѣть его счастье и желать, чтобы раскаяніе и угрызенія преслѣдовали его всегда. Вотъ упованія и пожеланія души, которая его больше всего любила и у которой большая потребность навсегда заснуть!“

Мы имѣемъ полное право удивляться тому, что связь между этими двумя столь несхожими людьми продолжалась, несмотря на постоянныя столкновенія, разочарованія и поводы къ разногласію; не разъ Жюли въ невыразимомъ мученіи задавала себѣ этотъ вопросъ: „Я не могу себѣ объяснить, какое очарованіе привязываетъ меня къ вамъ? Вы мнѣ не другъ, вы не можете имѣть со мной сдѣлаться. У меня нѣтъ къ вамъ никакого довѣрія. Вы мнѣ причинили самое глубокое и острое зло, какое только можетъ омрачить и повергнуть въ отчаяніе честную душу. Въ данный моментъ вы меня лишаете, можетъ быть, навсегда единственнаго утѣшенія, посланнаго небомъ въ послѣдніе дни моей жизни.“

1) Намекъ на проектъ ея брака съ Мора.

И вотъ, мой другъ, я думаю объ этомъ, сознаю все это, и тѣмъ не менѣе меня влечетъ къ вамъ чувство, которое я презираю, но оно имѣетъ надо мною власть проклятiя и фатальности“.

Черезъ нѣсколько дней она снова прерываетъ свои жалобы слѣдующимъ восклицанiемъ: „Мой другъ, въ тѣ времена, когда вѣбрили въ колдовство, я объяснила бы имъ все, что вы меня заставляете испытать; я сказала бы, что вы располагали властью накликать на меня судьбу, отнявшую меня отъ самой себя“.

Сущность этого „колдовства“, привязывающаго ее, несмотря ни на что, къ человѣку, давшему ей любовь во всей ея полнотѣ, она понимаетъ въ глубинѣ души лучше, чѣмъ сама хочетъ въ этомъ признаться, и грустная тайна прорывается въ ея письмахъ довольно часто, хотя и въ замаскированныхъ выраженiяхъ: „Въ концѣ-концовъ я знаю, что не найду успокоенiя въ вашей душѣ; въ ней нѣтъ ни нѣжности, ни чувства. Вы обладаете лишь однимъ средствомъ исцѣлять мои страданiя, *опьяняя меня*; и это лѣкарство служить источникомъ моихъ самыхъ сильныхъ страданiй!“ Намъ хорошо понятны эти слова: она вкусила сладострастное опьянѣнiе и ея губы изсыхали отъ жажды коварнаго яда. Униженiе, причиняемое ей этой слабостью, постоянная борьба между ея душой и тѣломъ, чувствами и разумомъ—все это составляетъ отнынѣ тайную драму ея жизни, скрытое мученiе, изнуряющее ее до того самаго момента, когда она падетъ подъ его бременемъ.

Мы только что прослѣдили первые признаки этого зла; то, что вызывало пока лишь тревогу, смѣшанную со стыдомъ, вдругъ обратится въ острое страданiе; на днѣ ея души откроется неизлѣчимая рана,—справедливое и ужасное возмездiе, какъ рѣшить она въ отчаянiи, за того, кому она измѣнила.

Припадокъ, бывший съ Мора въ февралѣ, повергъ его въ состоянiе полной нравственной и физической прострацiи. Недавняя смерть его матери, графини Фуэнтесъ, умершей отъ той же болѣзни, какою болѣлъ онъ самъ, удвоила его безпокойство; казалось, даже онъ самъ, такъ долго исполненный иллюзiй, моментами предвидѣлъ грозный исходъ. Кровохарканье и лихорадка продолжались все время. Мадридскiе доктора, созванные толпой къ его постели, пробовали по очереди самыя сильныя средства; повторныя и сильныя дозы желѣза, хинина и особенно, слѣдуя испанской привычкѣ, частыя кровопусканiя. „Нигдѣ на свѣтѣ не пускаютъ столько крови, какъ въ Мадридѣ!“, воскликнулъ д'Аламберъ, узнавъ эти грустныя подробности. Справедливо напуганный такимъ лѣченiемъ, „секретарь“ г-жи де Леспинасоъ

въ своихъ письмахъ къ герцогу Вилла-Эрмоза высказываетъ какъ припѣвъ, всегда одну мысль: надо вырвать больного изъ невѣжественныхъ рукъ, изъ „сухого и палящаго“ мадридскаго климата, и привезти его въ Парижъ къ просвѣщеннымъ врачамъ „Я спѣшилъ какъ только могъ,—пишетъ онъ,—чтобы принести новыя извѣстiя г-жѣ де Леспинассъ, ожидавшей ихъ съ ужасомъ и тревогою, чрезвычайно меня безпокоющей. Нигдѣ на всемъ свѣтѣ не любятъ такъ сильно маркиза де Мора, какъ въ нашемъ маленькомъ уголкѣ. Вы видите, господинъ герцогъ, что ошибки испанскихъ докторовъ чуть не стоили г. де Мора жизни. Кто можетъ поручиться, что въ будущемъ они будутъ лучше понимать положенiе и умнѣй поступать? Если вы его сюда привезете, то этотъ поступокъ будетъ вполне достоинъ вашей любви къ нему и вы сможете себѣ сказать, что вы не только обезпечили здоровье своего друга, но и спасли ему жизнь... Этотъ проектъ мнѣ кажется вполне осуществимымъ,—настаиваетъ онъ еще разъ,—когда я думаю о вашихъ чувствахъ къ маркизу де Мора и о необходимости вырвать его поскорѣе изъ вреднаго климата и изъ рукъ отравляющихъ его докторовъ“.

Весьма вѣроятно, и никто не можетъ ее за это осудить, что эта мысль была внушена д'Аламберу не кѣмъ инымъ какъ Жюли де Леспинассъ; такъ говоритъ и Мармонтель въ одномъ отрывкѣ своихъ воспоминанiй. Всѣ друзья Мора единодушно сходились на томъ мнѣнiи, что пребыванiе въ испанской столицѣ приведетъ очень скоро къ смертельному исходу: „Возвратъ болѣзни Мора начинаетъ приводить меня въ отчаянiе“,—пишетъ Галиани изъ Неаполя.—Воздухъ Мадрида слишкомъ рѣзокъ и его легкiя не перенесутъ его“. Такое мнѣнiе поддерживалось знаменитымъ Лорри, самымъ извѣстнымъ среди женщинъ и образованныхъ людей Парижа докторомъ, настолько моднымъ, по словамъ Башомона, что когда онъ страдалъ подагрой, то давалъ совѣты изъ своей кареты, къ которой больные спускались, чтобы увидѣть его. Онъ зналъ Мора, такъ какъ раньше его лѣчилъ, и посылалъ ему письмо за письмомъ, наполовину по-французски, наполовину по-латыни, уговаривая его бѣжать отъ гибельнаго климата и скорѣй довѣрить себя его опытнымъ рукамъ.

Какъ бы ни были сами по себѣ разумны эти совѣты, они, пожалуй, не заставили бы умирающаго рѣшиться на такое долгое путешествiе, если бы къ этому не присоединились другiе тайные мотивы. Инстинктомъ глубоко любящаго человѣка онъ смутно чувствовалъ какую-то перемѣну въ сердцѣ Жюли, хотя и не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ указанiй.

„Я помню,—признается эта послѣдняя со слезами,—что я возымѣла гнусный проектъ, что я приняла рѣшеніе принести смерть моему другу, покинуть его, перестать его любить такъ, какъ онъ хотѣлъ и заслуживалъ быть любимымъ“. Однако она откладывала часъ жестокаго признанія, такъ какъ боялась за слабый организмъ Мора; но ея письма, прежде такія простыя и искреннія, выдавали, несмотря на всѣ ея усилія, ея душевное смущеніе, и Мора, удивленный и обезпокоенный, искалъ напрасно въ этихъ „неловкихъ строкахъ прежній огонь и увлеченіе“. „Впервые онъ познакомился съ сомнѣніями,—пишетъ Жюли;—отъ безпокойства онъ переходилъ къ страхамъ; его письма, такъ же какъ и его сердце, были полны печалью и смятеніемъ“. Однако тяжелое подозрѣніе не приводило его въ отчаяніе, а лишь укрѣпляло его твердое намѣреніе снова вернуть къ себѣ непостоянную подругу. Такова была причина, увѣряетъ г-жа де Леспинассъ, ускорившая его отъѣздъ: „Онъ рискнулъ своею жизнью, онъ оторвался отъ семьи, отъ обожавшихъ его друзей. По его собственнымъ словамъ, онъ отправился въ путь, чтобы согрѣть остывшее отъ разлуки сердце, вернуть къ жизни душу, убитую несчастьемъ“. Въ своей неугасаемой нѣжности думалъ онъ найти нужную силу, чтобы встрѣтить тяжелое испытаніе.

„Г. де Мора долженъ пуститься въ путь 4 сего мѣсяца,—сообщаетъ 8 мая Жюли Кондорсэ.—Таковъ былъ его проектъ, высказанный еще 25 числа прошлаго мѣсяца; онъ былъ простуженъ, слабъ, его слюна была окрашена кровью; при такихъ условіяхъ я не сомнѣваюсь лишь въ одномъ,—въ его волѣ и желаніи. Я повѣрю въ его возвращеніе лишь тогда, когда его увижу“. Въ то время какъ она писала эти строки, Мора уже пять дней какъ былъ въ пути, чтобы соединиться съ ней. Онъ покинулъ Мадридъ 3 мая, сопровождаемый своимъ докторомъ Наварро и двумя слугами; онъ извѣстилъ объ этомъ свою подругу однимъ лишь словомъ, наскоро набросаннымъ въ суматохѣ отъѣзда: „Мадридъ, 3 мая 1774 г. Садясь въ карету, чтобы увидѣть васъ“. Онъ ѣхалъ медленно, небольшими переѣздами, чтобы избѣжать усталости и тряски на плохихъ дорогахъ. Первые дни прошли безъ всякой помѣхи и онъ началъ надѣяться: „Во мнѣ есть силы, чтобы заставить васъ забыть все, отъ чего вы страдали“, писалъ онъ Жюли 10-го, черезъ недѣлю послѣ отъѣзда. Какъ разъ въ этотъ день кровохарканье отняло его послѣднія силы. Однако онъ желалъ продолжать путь, сдѣлавшійся для него длительной агоніей. „Изъ Бордо, 23 мая 1774 г., по прибытіи, почти мертвый“; такъ озаглавилъ онъ новую записку къ Жюли.

Мнѣ нечего описывать ужасъ и горе, какое причиняли эти извѣстія г-жѣ де Леспинассъ. Ея отчаяніе настолько сильно, что она не можетъ его скрыть даже отъ Гибера. Послѣ одного нервнаго припадка, продолжавшагося четыре часа, она пишетъ Гиберу: „Ужасъ и страхъ затуманили мой разумъ. Я жду среды и мнѣ кажется, что даже смерть не въ силахъ смягчить ту потерю, которой я такъ боюсь... Выше моихъ силъ думать, что, можетъ быть, тотъ, кого я люблю, кто любилъ меня, не услышитъ меня больше и не придетъ мнѣ больше на помощь“. Передъ своимъ другомъ Сяромъ она изливаетъ свое горе съ еще большей свободой: „Извѣстія завтрашняго дня, можетъ быть, освободятъ меня отъ жизни. Эта ужасная мысль не покидаетъ меня. Я вижу Мора уже только мертвымъ“.

Въ другой запискѣ видна еще опредѣленнѣй мысль о самоубійствѣ, охватившая ея мозгъ: „Мнѣ кажется, что мнѣ уже нечего беречь. Вы хорошо знаете, что это значить, однако *вы не все знаете*. Нѣтъ, нечего мнѣ больше надѣяться ни на спокойствіе, ни на отдыхъ... Вы простите меня, что я не могу быть благоразумной и сдержанной. Если бы я хотѣла жить въ обществѣ, нужно было бы подчиниться этимъ добродѣтелямъ; но я вамъ говорю, что я не хочу больше ни минуты оставаться въ этой печальной странѣ, называемой жизнью. По этому поймите все, что я думаю и судите обо всемъ, что я сдѣлаю!“

Мрачныя предчувствія г-жи де Леспинассъ имѣли глубокое основаніе. Напрасно наслѣдникъ рода Фуэнтесъ боролся въ Бордо, въ гостиницѣ, съ дикой энергіей противъ смерти, лишившей его утѣшенія увидѣть подругу. Три дня онъ былъ въ агоніи, сохраняя полное сознаніе. Въ этотъ послѣдній часъ къ нему вернулась, по видимому, прежняя дѣтская вѣра; во всякомъ случаѣ извѣстно, что сосѣдній приходскій священникъ пришелъ оказать ему религиозную поддержку. 27 мая, собравъ свои послѣднія силы, слабѣющей рукой онъ набросалъ для Жюли нѣсколько строкъ, полныхъ отчаянія и любви: „Я хотѣлъ васъ видѣть; надо умирать. Какая ужасная судьба! Но вы меня любили, и вы еще и сейчасъ даете мнѣ сладостное чувство. Я умираю для васъ...“ Въ этотъ же день онъ испустилъ послѣдній вздохъ и его похоронили на другой день съ особой „торжественностью“, какъ сказано въ актѣ о смерти, въ церкви Notre Dame-de-Puy-Paulin, теперь разрушенной. Передъ погребеніемъ слуги сняли съ его пальцевъ два кольца: въ одномъ изъ нихъ была вдѣлана тонкая прядь волосъ Жюли; другое было простымъ обручальнымъ золотымъ кольцомъ и на немъ было выгравировано: „*Все проходитъ, кромѣ любви*“. Пер-

вое изъ этихъ колець было отправлено герцогиней Вилла-Эрмоза къ г-жѣ де Леспинассъ, которая ей его позже возвратила въ своемъ завѣщаніи. Обѣ реликвиі находятся еще и сейчасъ въ архивѣ этого благороднаго рода.

Въ четвергъ 2 іюня г-жа де Леспинассъ получила печальную вѣсть. „Я была бы очень счастлива,—говорила она при воспоминаніи объ этомъ днѣ,—если бы моя жизнь окончилась въ среду 1 іюня“. Въ первыхъ вырвавшихся у нея словахъ она обвиняла себя въ томъ, что убила любившаго ее человѣка, что она „произнесла его приговоръ“. Ничто уже не сможетъ освободить ея душу отъ этого ужаснаго впечатлѣнія. Къ ея тяжелому горю присоединяются еще угрызения совѣсти. Однако она не раскаивается въ томъ, что не обнаружила своей невѣрности; по крайней мѣрѣ, Мора не узналъ ея ошибки: „Боже мой! Какъ я пала! Какъ унизилась! Но онъ не зналъ этого“. И ее ужасно тяготило сознаніе, что безсознательной холодностью своихъ писемъ она поколебала спокойствіе и довѣріе этого вѣрнаго сердца: „Какая ужасная мысль! Я встревожила его послѣдніе дни. Опасаясь, что ему будетъ за что жаловаться на меня, онъ отдалъ свою жизнь за меня; и его послѣднее движеніе было полно нѣжности и страсти“. Передъ отчаяніемъ, внушаемымъ ей этой мыслью, ей кажутся ничтожными всѣ ея страданія, начиная съ дѣтскаго возраста: „одинъ моментъ уничтожилъ тридцать семь лѣтъ горя!“ Ея разсудокъ помутился: чтобы избѣгнуть нестерпимыхъ мученій, она видитъ только одинъ исходъ,—смерть, и ея рѣшеніе принято. Не подожить сомнѣнію, что она, дѣйствительно, хотѣла отравиться; въ этомъ убѣждаетъ насъ цѣлый рядъ мѣстъ ея переписки съ Гиберомъ, который былъ свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ этой драмѣ. Неизвѣстно только, приступила ли она къ исполненію своего рѣшенія и не вернули ли заботы Гибера ей, противъ ея желанія, жизнь? Или онъ пришелъ къ ней въ тотъ моментъ, когда она хотѣла принять ядъ и успѣлъ какъ разъ во-время вырвать у ней смертельный напитокъ? Во всякомъ случаѣ, если она обязана Гиберу продолженіемъ жизни, то она была ему за это очень мало признательна; наоборотъ, не разъ въ послѣдствіи она осыпала его жестокими упреками за его ненужное усердіе.

Послѣ лихорадочнаго нервнаго возбужденія наступилъ полный упадокъ силъ: „Она не въ состояніи вамъ сама объяснить, насколько ей цѣнны знаки вашего вниманія. Ея здоровье очень ослабло; она находится въ такомъ изнеможеніи, которое не позволяетъ ей наслаждаться даже дружбой“. Такъ выражается

д'Аламберъ, благодаря г-жу Неккеръ за сочувственное письмо посланное ею къ Жюли.

„Я жалѣю самъ,—продолжаетъ онъ,—о смерти человѣка, имѣвшаго самую чувствительную, чистую и возвышенную душу. Воспоминанія и сожалѣнія о немъ навсегда запечатлѣлись въ моей душѣ“. Эти строки искренни; кажется, что никто, кромѣ Жюли не оплакивалъ такъ смерть Мора; тѣ страницы, въ которыхъ онъ описываетъ свое горе, могли бы быть подписаны г-жей де Леспинассъ: „Я былъ настолько проникнутъ скорбью, что въ первый моментъ не могъ писать. Какая потеря для меня, который до могилы сохранить самое дорогое и грустное воспоминаніе о самомъ совершенномъ созданіи, какое я когда-либо зналъ!... Егумъ сообщалъ моему такую силу, какой у него больше не будетъ, и я буду вѣчно вспоминать о тѣхъ дорогихъ моему сердцу минутахъ, когда эта чистая, благородная, сильная и мягкая душа охотно сливалась съ моей“. Объединенные общей скорбью, Жюли и д'Аламберъ снова обрѣли на нѣкоторое время былую близость. „Г. д'Аламберъ,—говоритъ она съ растроганной благодарностью,—писалъ графу Фуэнтесъ; онъ написалъ ему по собственному побужденію; онъ плакалъ, читая это письмо, и заставилъ меня обливаться слезами“.

Надо признать, что въ душѣ его подруги никогда не исчезла память о Морѣ. Мертвому она вѣрна больше, чѣмъ живому. Ея вина не побуждаетъ ея искать прибѣжище въ забвеніи. Наоборотъ, она съ какимъ-то ожесточеніемъ постоянно вспоминаетъ о своемъ „преступленіи“; она безъ конца обвиняетъ себя въ немъ передъ человѣкомъ, который былъ въ немъ соучастникомъ. Сочувствіе друзей, приписывающихъ ея тоску сожалѣнію, а не угрызениямъ совѣсти, подчасъ ее настолько раздражаетъ, что она едва удерживается отъ раскрытія своей тайны. Однажды, когда Сюръ сдѣлалъ ей по случаю ея траура сочувственный визитъ, она ему сказала: „Я не достойна вашего участія“. Онъ понялъ эти слова лишь тридцать лѣтъ спустя, когда прочиталъ въ первый разъ ея письма къ Гиберу. Можно сказать, что моментами она ищетъ возможности наказать себя, и пропуская ни одного случая вызвать образъ „совершеннаго и святого существа“, передъ которымъ она согрѣшила. Когда нѣсколькими мѣсяцами позднѣй Гиберъ проѣзжалъ черезъ Бордо, она заставила его спросить до мельчайшихъ подробностей всѣхъ, въ томъ числѣ и консула, о послѣднихъ часахъ де Мора. Въ слѣдующемъ году, зная, что Луи Пиньателли пріѣхалъ въ Парижъ, она хотѣла его видѣть, говорить съ нимъ о братѣ, не

смотря на ужасную боль, причиняемую ей этимъ разговоромъ: „Его присутствіе меня убиваетъ! Звукъ его голоса заставляетъ меня дрожать отъ головы до ногъ. Я попеременно проникнута любовью и ужасомъ“. Но что сдѣлается съ ней въ тотъ день, когда, по трагическому стеченію обстоятельствъ, она вдругъ получитъ два письма, затерявшіяся на почтѣ, отъ того, кто уже болѣе года покоится на днѣ могилы? Эти загробныя слова звучатъ въ ея ухахъ, какъ мрачное предостереженіе, какъ зовъ умершаго, чтобы она пришла скорѣй соединиться съ нимъ.

Живя постоянно среди тяжелыхъ воспоминаній и мрачныхъ образовъ, она находится въ такой экзальтаціи, которая граничитъ подчасъ съ бредомъ. Иногда въ часы волненія—отъ горя или огорченія—она брала въ руки то перо, которымъ писала письма Мора и повѣряла то, что она испытывала, *этой преслѣдующей ее тѣни*: „Знаете ли вы,—признается она,—какова первая потребность моей души, когда она сильно взволновала страстью или горемъ? Это писать г. де Мора. Я оживляю его, я вызываю его къ жизни, мое сердце соединяется съ его сердцемъ, моя душа сливается съ его душой; жаръ и быстрота моей крови побѣждаютъ смерть, такъ какъ я вижу его, онъ живетъ, онъ дышитъ для меня, я слышу его! Моя голова затуманивается и разгорячается до такой степени, что мнѣ не нужны иллюзіи; это сама истина“.

Порой она вызываетъ его образъ и, умоляющая, изливаетъ ему смиренно свое раскаяніе: „О, мой другъ, если вы слышите меня въ жилищѣ смерти, будьтенисходительны къ моему горю и раскаянію. Я была виновата, я оскорбила васъ, но развѣ мое отчаяніе не искупило моего преступленія? Я потеряла васъ и осталась жить; да, я живу, развѣ это не недостаточное наказаніе!“

Съ этихъ поръ ея письма къ Гиберу полны воспоминаній объ ея прошломъ. Между собой и любовникомъ она ставитъ безпрестанно образъ Мора, сравнивая мертваго съ живымъ, и сравненіе всегда не въ пользу послѣдняго. Надо признать, что Гиберъ выказалъ удивительное терпѣніе, вынося безропотно такую неприятную параллель. Лишь изрѣдка онъ позволяетъ себѣ робкое замѣчаніе: „Пишите мнѣ, мой другъ, даже если ваше письмо будетъ полно г. де Мора“. Чаше всего онъ принимаетъ все безъ возраженій, съ кроткой покорностью человѣка, у котораго, какъ мы увидимъ, совѣсть не вполне спокойна.

Перев. Л. Гончарова.

(Окончаніе слѣдуетъ.)